

УЮТНАЯ ИМПЕРИЯ

АННА
ПЕЙЧЕВА

Кот и эспрессо

ИЩЕЙКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ | КНИГА 2

Анна Пейчева

Кот и эспрессо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69267448

SelfPub; 2023

Аннотация

Лиза – типичная тридцатилетняя неудачница из нашего унылого мира. Все у нее плохо – и в личной жизни, и на работе. А тут еще и кот Пуся сбегает в ноябрьскую темень и слякоть. Лиза бежит за ним – и оказывается в совсем другом, солнечном и прогрессивном Санкт-Петербурге. Здесь ее встречают ищейки Российской империи – лучшие детективы всех миров во главе с обаятельным усачом Филиппом Петровичем. Серия "Уютная империя", цикл "Ищейки Российской империи", книга 2. Главные герои цикла – агенты 7 Отделения личной канцелярии Ее Величества, расследующие преступления против животных. Работают ищейки весело и непринужденно, а живут в чудесной альтернативной России, где над Исаакиевским собором проносятся левитационные поезда, 3D-принтер печатает женские шляпки, а отец императрицы собирает экипаж для полета на Марс. Вместо магии в этом мире – могущественные технологии, приправленные очаровательными традициями XIX века. А права самых маленьких питомцев так же важны, как и права человека.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	45
Глава 6	59
Глава 7	70

Анна Пейчева

Кот и эспрессо

Глава 1

11 декабря

Пуся мчался по набережной, как толстенькое пушечное ядро на лапках. Лиза едва за ним поспевала, задыхаясь и надрывно кашляя. Одышка в тридцать лет? Спасибо, ковбой Мальборо.

Забавно, что самые brutальные сигареты в мире изначально предназначались для женщин. Эти бестолковые суффражистки боролись за равноправие во всём, в том числе и во вредных привычках. Стоило ли так стараться ради того, чтобы спустя сто лет Лиза все выходные напролёт проводила за лепкой пельменей для своего жениха. Даже если за это ей и полагается утешительная сигарета.

Пушистый безобразник развил приличную спринтерскую скорость, достойную Усэйна Болта. Однако в отличие от знаменитого бегуна, известного своей любовью к отутюженным рубашкам, Пуся весь перемазался в классической петербургской слякоти, из-за чего совершенно слился с землей. Единственным маячком, ведущим Лизу в густых сумерках, оставался белоснежный кончик Пусиного хвоста. Путеводное

пятнышко болталось из стороны в сторону, словно буюк во время шторма, однако пока оставалось в зоне видимости.

Лиза на ходу смахнула с ресниц липкий снег. С черного неба летели не какие-нибудь там миленькие рождественские снежинки, а мерзкие ледяные блямбы, похожие на хлопья для завтрака, размякшие в молоке.

– Пуся! Стой! – Голос совсем охрип от бесполезных взываний к Пуськиной совести, которая у него отсутствовала напроочь. С тем же успехом Лиза могла просить пару капель дождя у египетских богов, отвечающих за обслуживание Аравийской пустыни. – Да остановись уже, кому говорят... чтоб тебя папавериновые пупырки побрали... А кто хороший котик? А кто хочет на ручки? – сделала она еще одну жалкую попытку.

Пятнышко задергалось вверх-вниз, из чего Лиза сделала вывод, что Пуся перешел на хороший галоп, – и резво устремилось в сторону Львиного мостика. Кот ясно давал понять: что уж кто-то, а он-то ни на какие ручки не хочет. Он выше этого. Он выше всяких подлых предательниц и их подлых предательств.

– Ну прости, слышишь? – Лизе было все равно, как выглядят со стороны её крики в пространство. Впрочем, набережные сейчас были пустынными: одиннадцатое декабря – не лучшее время для пеших прогулок по Петербургу. – Ну виновата, что теперь делать-то? Пойдем домой, дам тебе охотничью колбаску, а, Пусятина? Ладно, ладусики! Гулять так

гулять. Дам тебе Игоревых пельмешек, так и быть, уговорил!

Белоснежный маячок, еле различимый сквозь толстую плену на кончиках ресниц, дернулся посередине моста и пропал.

– Пуся! – в полном отчаянии крикнула Лиза, делая грандиозный рывок вперед, в темноту.

Нога в дешевом, промокшем насквозь ботинке неудержимо поехала вперед, правая рука инстинктивно схватилась за что-то холодное и прочное. Свободной ладонью Лиза стерла сугроб с лица и подняла голову.

Сверху на нее озадаченно глядел огромный белый лев, похожий на английского судью в парике. Грива его вилась крутыми буклями. Лиза держалась за чугунную лапу, отполированную тысячами рук: туристы постоянно бродили по Львиному мостику и приставали со всякими дурацкими желаниями к четырем чугунным хищникам, восседавшим на постаментах в начале и в конце переправы. Почему-то надоеды считали, что двухметровые кошки обязаны исполнять их бессмысленные просьбы. Львы, в свою очередь, справедливо полагали, что на них и так взвалили слишком многое: вот уже почти двести лет подряд они удерживали в зубах подвесные цепи тяжеленького моста.

Лиза, как и большинство врачей, была совсем не суеверна. Однако сейчас, цепляясь пальцами за ледяные лапы, забормотала:

– Слушайте, ребята, верните мне Пуся, а? Да знаю, знаю я,

что виновата. Но теперь всё будет по-другому, правда, клянусь севофлураном.

Разумеется, ничего не изменилось. Пуся не возник из ниоткуда. Сверху по-прежнему сыпала мокрая дрянь, внизу угрожающе темнел канал, тусклые фонари выхватывали кое-где из тумана ободранные стены старых домов. Львы на противоположном конце моста равнодушно смотрели куда-то вверх и вдаль. Под ногами – снежная каша и никаких признаков котика толстенького животика, который наивно полагал, что со своей мимимишностью он и без Лизы прекрасно проживет в этом мире.

Нужно было признать: питомца она потеряла. Следовало идти домой и варить Игорю пельмени. А потом мыть кастрюлю, заполненную мутным свиным бульоном с ошметками вялого теста на дне и вязкими кругами жира на поверхности. Мда, иногда вегетарианство очень мешает семейной жизни. Пора уже взять себя в руки, подумала Лиза. Свадьба не за горами, а ты, дорогуша, всё ещё не начала есть мясо. Игорю будет стыдно за тебя перед гостями.

– Мяв, – совершенно отчетливо прозвучало из-за спины дальнего льва на другом берегу. – Мяу-мяв.

Этот вредный, требовательный, наглый и восхитительный мяв мог принадлежать только одному коту на свете.

– Пуся?.. Пуся, негодник ты эдакий! – воскликнула Лиза во весь голос, отцепилась от чугунной лапы и бросилась по мосту, черпая ботинками отвратительную жижу.

Разумеется, именно в тот момент, когда ей показалось, что она вновь заприметила хвостик-маячок, небо взбесилось окончательно. Это же Петербург, Лизонька, мировая столица плохой погоды, говорил в таких случаях дедушка, пожимая плечами, укутанными в неизменную вязаную кофту. Противная изморось превратилась в стену ледяного дождя. Струи хлестали по лицу так сильно, что казалось, будто это розги. Насквозь мокрый шарф липнул к шее, как удавка.

Лиза ухватилась за основание старинного фонаря, установленного ровно посередине моста. Идти дальше было невозможно. Вокруг творилось что-то несусветное: словно в царство Снежной королевы пришло стремительное глобальное потепление и всё имущество повелительницы льда внезапно превратилось в один большой поток воды, обрушившийся ей на голову. Реальность осыпалась дождём.

– Пуся ненавидит купаться, – сказала Лиза фонарю. – Надо его спасти.

Чувствуя себя водолазом в поисках затонувшей Атлантиды и надеясь лишь на то, что Пуся успел спрятать своё мягкое изнеженное тельце в укрытии (скажем, под широкой львиной грудью), Лиза пробивалась сквозь толщу воды. Она с детства знала, что переход переправы занимает 28 секунд, но сейчас путь к белым львам на том берегу казался бесконечным.

Освежающий небесный душ с давлением примерно в сотню мегапаскалей закончился так же неожиданно, как и на-

чался.

Концом мокрого шарфа Лиза стерла с лица воду – и замерла на последней ступеньке мостика.

Перед ней блестел и переливался немислимыми огнями ночной Лондон.

Или Мадрид? Лас-Вегас? Токио? Столица планеты-вечеринки А1705 Галактики Большого Коктейля с Долькой Лимона? Во имя всемогущего пенициллина, где она оказалась? И что вообще происходит?

Вокруг творилось нечто ошеломительное.

Во-первых, небо. Вечерний свод перечеркивали ярко освещенные прозрачные трубы диаметром с тоннель метро; в них то и дело бесшумно мелькали короткие алые вагоны – словно гигантские деловые хомяки сновали туда-сюда по лабиринту. Трубы уходили куда-то за горизонт, накрывая город своеобразной сияющей сеткой. Вокруг было светло как днем.

При этом каждое здание здесь лучилось своим отдельным светом. Изумрудные, голубоватые, нежно-розовые домики плотно прижимались друг другу. Удивительное архитектурное ожерелье отражалось в воде канала, на берегу которого застыла Лиза.

Тут и там с низким жужжанием носились квадрокоптеры, мигая разноцветными огоньками. Многие дроны несли на себе стаканы и небольшие картонки. Вертолетики поразительно ловко маневрировали между кварталами, снижаясь

и вновь набирая высоту. Вдалеке высился громадный улей вроде пчелиного, только высотой с Исаакиевский собор и весь стеклянный, вокруг него сновали сотни квадриков. Над улеем крутился громадный светящийся конверт размером с футбольное поле, поставленное на ребро.

Один квадрокоптер прогудел совсем рядом с Лизой и деловито забрался в окно невысокого нарядного домика. На смену ему тут же вылетел другой квадрик, с корзиной наверху, нагруженной зелеными упаковками. «Омела», прочитала Лиза изящную вывеску на домике. Пойдите, это же русские буквы, изумилась она. Русские? Значит, она все еще в Петербурге?

Как и любой нормальный тридцатилетний человек на ее месте, первое, что сделала Лиза, – полезла в карман куртки за телефоном. Сейчас-то она всё выяснит. Сейчас она быстренько найдет на карте свою геопозицию, а заодно проверит время, дату и сигнал сети. Старина Джобс не оставил потусторонним силам шансов запудрить вам мозг. Интернет – всему ответ.

– Что за...

Телефона в кармане не было.

Батюшка миотропный бендазол! Она же оставила звонилку на зарядке в прихожей! В одном кармане куртки почему-то завалилась кошачья игрушка – мышка-меховушка. Еще зажигалка, конечно. В другом – жидкость для снятия лака (а она-то её искала по всему дому, пупырка папавери-

новая!). Но ни в одном из карманов не было ни телефона, ни, что еще хуже, сигарет.

Лиза изысканно обругала себя «курятиной безмозглой» и медленно обернулась, подспудно надеясь увидеть позади себя знакомый унылый пейзаж, словно сошедший со страниц Достоевского, и, может быть, парочку скучающих гопников, которым бы она сейчас обрадовалась, как родным братьям. Не тут-то было. Другой берег канала, откуда она только что, минуту назад прибежала, теперь тоже лучился разнообразным светом и шокировал фантастической транспортной инфраструктурой. Безумная, яркая мозаика. Единственный знакомый элемент – чугунные львы, все с тем же невозмутимым видом державшие в зубах цепи моста. Правда, нагрузка на челюсти у них увеличилась: на переправе неведомо откуда взялись десятки азиатских туристов в кепках, они носились как оголтелые между скульптурами и фамильярно потирали хищникам двухсотлетние лапы.

Лиза попыталась сориентироваться. Предположим, это всё тот же Петербург. Но где тогда её дом? Такой симпатичный бледно-желтый домишка, трехэтажный, немного потрепанный, но родной. Прямо напротив Львиного мостика. Но сейчас на этом месте, на месте её дома, рвалась ввысь узкая стеклянная башня, по которой скользил вверх-вниз ярко-освещенный лифт. Похоже, это была остановка воздушного поезда.

Она закрыла глаза, потрясла головой. Открыла глаза. Во-

круг ничего не поменялось.

Так, давайте по очереди. Дом будем искать позже. Он не такой беспомощный, как Пуся. Пока сосредоточимся на поиске кота.

Но как отыскать его в таком оживлённом районе?

Глава 2

По набережной скользили бесшумные машины неизвестных марок. Мимо с большим достоинством прокатилась безлошадная карета с самоваром (погодите – самоваром?!) и четырьмя развеселыми пассажирами на борту. Тротуары были заполнены прохожими, многие из которых передвигались поразительно плавно и быстро. Присмотревшись, Лиза поняла, что народ разъезжает на самоходных досках – вроде такие назывались гироскутерами, хотя поручиться за это она бы не могла. В технике Лиза разбиралась на уровне отгадывания загадки «компьютерный грызунчик – по столу ползунчик, пальцу подчиняется, не сопротивляется», а единственным ее средством передвижения был неподъемный советский велосипед «Урал», доставшийся от бабушки.

Надо бы спросить у кого-нибудь, где она оказалась. Лица большинства прохожих казались открытыми и доброжелательными. Но предсказать, как они отреагируют на представление подозрительной незнакомки в промокшей насквозь одежде, было невозможно.

– Мяв, – снова послышалось Лизе откуда-то издалека.

Отложив выяснение метафизических вопросов на потом, она лихорадочно закрутила головой.

Разглядеть маленького глупого кота в густой толпе было нереально.

Хотя, позвольте – не следы ли это мокрых лапок?

Лиза присела на корточки. С нее самой натекла уже целая лужа, однако вся остальная мостовая была совершенно сухой. Гладкая брусчатка блестела в свете фонарей, как отполированная прибоем галька. Лиза приложила к плитке ладонь. Теплая. Кажется, мостовая искусственно подогревалась, поскольку воздух оставался морозным. Несмотря на ясное небо, здесь тоже чувствовалось приближение зимы.

– Да где же это я, ради всех трицикликов? – пробормотала Лиза, высматривая среди сотен спешащих ног, среди десятков крутящихся колес своего бестолкового пухлого питомца. – И куда делся этот негодник?

Цепочка кошачьих отпечатков на плитке неумолимо высыхала. Кажется, следы вели в сторону той самой «Омелы», вокруг которой суетились трудолюбивые квадрики.

Если Лиза не ошиблась и это всё ещё был Санкт-Петербург, то в Лизиной реальности в этом зданьице на набережной канала Грибоедова 98 располагался Дом ребёнка. Грустное учреждение для брошенных детей с отставаниями в развитии.

Но сейчас этот домик более всего походил на симпатичный ресторанчик. Ресторанчик? Ну разумеется. Наше пушистое величество решило срочно отобедать после перенесенного стресса. Тем более что дома, вместо ожидаемого пиршества с охотничьими колбасками, господин Пуссен получил сегодня ничем не заслуженное наказание в виде чувстви-

тельного шлепка газетой. Собственно, поэтому он и сбежал, весь такой гордый и одинокий, как только Лиза собралась выносить мусор. Не мог простить хозяйке, что в долгой и кровопролитной битве за клетчатое кресло, которую Пуся вел многие месяцы, Лиза встала на сторону Игоря. Отношения двух ее главных мужчин никак не складывались.

Лиза с кряхтением поднялась – день выдался исключительно тяжелый, – и, стуча зубами от холода, поплелась к «Омеле». Если даже Пуся там нет, она хотя бы немного согреется и сообразит, что делать дальше. Пока что в голове была совершеннейшая каша. Причём не рассыпчатая гречневая, а вязкая овсяная. Вопросов было бесконечно много, ответов – ни одного.

Допустим, она умерла и попала – куда? На ад как-то не тянет: грешники не вопят, а катаются радостно на самоходных досках, да и чертей с вилами не видно. Если не считать тот провокационный рекламный плакат, сияющий над головами прохожих: «Ради дивана от «Хохломы» вы продадите душу дьяволу».

Но если это рай, почему же тогда по прибытии ей не выдали сухую тунику с крылышками или, по крайней мере, приличный банный халат? На этом же всё строится: ничего, друзья, на земле помучаетесь, зато потом устроитесь с большим комфортом. В условиях договора с церковью ничего не было сказано про омерзительный компресс из ледяного мокрого свитера, липнущего к спине.

А может, у нее просто внезапное обострение невыявленной болезни мозга? Доктор Лиза больше склонялась именно к этой версии. Некоторые заболевания дают весьма причудливые симптомы. Очень может быть, что она сейчас на самом деле бредет по унылому темному кварталу, к которому привыкла с детства, а все эти огни, сказочные домики, улыбающиеся лица и даже вкусный, незагазованный морской воздух, – плод ее воспаленного воображения. Нет, ну правда, разве в здравом уме можно где-нибудь увидеть подобное: мороженое со вкусом щей в витрине кондитерского магазина «Абрикосов и сыновья»? Информационный стенд «Что взять с собой в туристическую поездку на Луну»? Бабурку на моноколесе и с палочкой?

Святые ноотропы! Да это лучшее помутнение рассудка на свете. Лиза твердо решила получать удовольствие до тех пор, пока за нее не взялись коллеги из психиатрической лечебницы.

Перед Лизой автоматически, как в электричке, раздвинулись тяжелые дубовые двери «Омелы», она почему-то вспомнила про лондонскую платформу 9¾, про которую без конца талдычил Игорь, большой фанат фантастики во всех ее проявлениях... И тут ей пришла в голову еще одна – необычайно дикая – мысль. А что если все эти дурацкие цветастые книжки о путешествиях между мирами, которые Игорь заглывал пачками и к которым она всегда относилась с некоторым снобизмом и даже презрением, предпочи-

тая им последние выпуски журнала «Сплетни и слухи», – что, если все они (или хотя бы часть) были основаны на реальных событиях? Что, если их авторы строго придерживались фактов, обладая фантазией не более бурной, чем у инфузории тифельки? Что, если в глупейших историях о так называемых «попаданцах» было в миллион раз больше правды, сколько в статье «У него даже пижама с перьями и блёстками: откровения тайной возлюбленной Киркорова»?

Так, дорогуша, тебя уже куда-то уносит, строго сказала себе Лиза. Ты подумаешь об этом завтра. А точнее – как только сядешь где-нибудь в теплом углу и как следует отожмешь волосы, а то вода струится с тебя как с колли, только что вылезшей из канавы.

Она решительно зашла в «Омелу», оставляя позади себя мокрые следы и дрожа всем телом.

«Омела» оказалась совершенно очаровательной кафешкой, полной тепла, невероятных запахов и зелени – словно кто-то додумался поставить столики в Ботаническом саду. Потолок было не разглядеть из-за переплетений плюща, живые деревья в горшках делили просторный обеденный зал на уютные закутки, в кронах обосновались то ли лампочки, то ли светлячки. В дальнем углу негромко журчал фонтанчик – и Лиза могла бы поклясться, что слышит чириканье птиц, хотя никаких пернатых вокруг не наблюдалось. Пожалуй, это было бы негигиенично.

Перед стойкой приема заказов, обыкновенной полирован-

ной доской на двух пнях, толпился народ, ожидая своей очереди. До Лизы доносились обрывки фраз:

– А я ему говорю – не хочу простой Перстень, хочу Кольцо Марсианского Всевластия! Все уже давным-давно ходят с новинками от «Владычицы Морской», одна я как черная крестьянка...

– Сходим потом в кинематограф? В «Сатурне» на Невском – ретроспектива фильмов Василисы Прекрасной, я просто обязан пересмотреть «Дульсинею с улицы Сервантеса»...

– Может, лучше дома останемся? По «Всемогущему» – повтор «Воздушного замка», мы в прошлый раз пропустили серию про рождение единорога...

– Вообрази: этот наглец, пиар-агент моей собаки, заявляет, что двадцать четыре тысячи подписчиков мы потеряли из-за того, что Шарик сменил свою бабочку на обычный галстук...

– Видела сегодня в новостях Екатерину? Ну согласишься, никогда раньше не носила она таких свободных толстовок! Или она беременна, или я не личный ассистент Лидваля...

– Светлого вечера, сударыня, чего изволите?

Это уже обращались непосредственно к ней. Как-то незаметно она оказалась в начале очереди. Из-за стойки на Лизу выжидательно смотрел бородатый длинноволосый парень в домотканом балахоне, типичный хиппи, к тому же босой.

– Э-э... Я, знаете ли, ищу своего котика, он к вам не забе-

гал? – несколько смущенно начала Лиза, ожидая хамства в ответ, поскольку похожа она сейчас была на типичную бродяжку: старая дачная куртка, растянутые домашние легинсы, шарф в виде половой тряпки. Однако профессиональная улыбка кассира ее немного приободрила. Не похоже было, чтобы он мчался скорее вызывать ведущих программы «Сожгите всю свою одежду немедленно». – Да, в общем, котик такой черный, пушистый, толстенький, а на кончике хвоста белое пятнышко. Морда до крайности нахальная... Очень высокомерный, смотрит на вас как на пустое место, – прибавила Лиза для полной ясности. – И постоянно ищет, где бы что стащить мясного.

Бородач отрицательно помотал головой.

– Вынужден вас расстроить, сударыня. Вход на кухню у нас только по пропускам, это санитарная зона. Нужно прикладывать личный Перстень, всё очень строго, навряд ли он мог проскользнуть незамеченным. В зале я его тоже не видел. Возможно, кто-то уже сдал вашего кота в приют? Вы по чипу проверяли?

– Нет у Пуси никакого чипа, – вздохнула Лиза.

– Как же так – нет чипа, – удивился кассир. – Они у всех питомцев есть. Это же как Перстень, только для животных. – Лиза половину не поняла, но лишних вопросов задавать не стала – позади скопилась приличная очередь. – Что ж, может, Ищейки вам помогут – они занимаются такими сложными случаями, как ваш.

– Ищейки? – все-таки уточнила Лиза.

– Седьмое отделение Личной Канцелярии Ее Величества, Литейный 20, вы наверняка видели их рекламу по телевизору, ну ту самую, с резиновой курицей... – Посетители начали волноваться, и бородач заторопился. – Извольте выпить березового сока на дорожку, сударыня?

– Э-э... Давайте двойной эспрессо, – сказала Лиза. – Сахара побольше.

Ей показалось, что бородач взглянул на нее с изумлением, однако он лишь спросил:

– Блин с еловым повидлом на десерт?

– С каким-каким повидлом? Еловым? Батюшки-салицилы... Обойдусь без ваших деревянных деликатесов. Только кофе.

– Двадцать три копейки, будьте любезны.

Лиза вытащила кошелек, радуясь, что в ее воображаемом мире всё так дешево. Это помутнение сознания нравилось ей всё больше.

Она барским жестом кинула на стойку полтинник:

– Сдачи не надо.

Бородач с недоумением покрутил монетку в руках:

– Простите, сударыня, игрушечные деньги не принимаем.

– Какие еще игрушечные? – возмутилась Лиза. – «Банк России», что вам еще надо?

– Еще надо профиль императора Николая Прогрессивного, – пожал льяняными плечами кассир.

Лиза занервничала. Если ей срочно не дадут горячего эспрессо, она абсолютно точно сойдет с ума. Фантазии фантазиями, параллельные миры – параллельными мирами, а без кофеина она долго не протянет.

– С профилем у меня нет... – Тут она нащупала в отделении для мелочи иностранные монеты. – Евроценты подойдут?

– Сударыня, что такое «евро», я не знаю, – устало отозвался бородач, – а вот американской валютой можно расплатиться... С вас три доллара шестьдесят пять центов.

– Сколько?! – поразилась Лиза. – Да что тут у вас за обменный курс? Нет, простите за беспокойство, я лучше пойду.

– Сударыня, просто скажите, что просите записать напиток на счет Императрицы, – посоветовал кто-то сочувствующий из-за плеча. – Сами они не имеют права предлагать.

– Эээ, ладусики, почему бы и нет... Прошу записать на счет императрицы! – объявила Лиза без всякого стеснения. Халява – она и в Африке халява, и в Галактике Большого Коктейля с Долькой Лимона.

Бородач послушно кивнул.

– О, разумеется. – Касса пискнула, но никаких чеков не выдала. – Двойной эспрессо, побольше сахара, счет отправлен Императрице. Следующий!

Покрепче ухватив миниатюрный картонный стаканчик, Лиза пробралась вглубь заведения, поближе к фонтану. Усе-

лась за круглый столик, накрытый льняной скатертью. С наслаждением сбросила мокрые ботинки. Забралась с ногами на мягкий диван, обитый зелёным бархатом. Сделала первый глоток – обжигающий, горько-сладкий, божественный.

Затем, вместо того, чтобы лихорадочно обдумывать создавшееся положение, строить планы на ближайшее будущее и анализировать происходящее, она принялась с нездоровым интересом читать меню, написанное прямо на кирпичной стене:

«Обед «Ореховое безумие»:

– пирог с говядиной «Бук-бык», подается на буковой доске;

– огуречный салат с мелко нарезанными букowymi листьями;

– морковная лепешка, выпеченная в форме листа бука;

– козинак из букowych семян с медом;

– сбитень, подается в буковой кружке.

Торт «Ореховый взрыв»: шоколадные коржи, фундук, миндаль, грецкий орех, кедровый орех, фисташки.

Греча, подается с еловым повидлом.

Щи, подаются со сметаной и кедровыми орехами.

Леваши с миндальной крошкой (одобрено Ее Величеством!):

– малиновые;

– черничные;

– черносмородиновые;

– земляничные;

– новинка – яблочные.

Блины...»

– Кофе у нас в стране любят три человека: Мелисса Майер – наша очаровательная премьер-министр; Гавриил Левинсон – креативный, во всех смыслах, директор телеканала «Всемогущий»; и ваш покорный слуга. Остальные двести миллионов граждан империи предпочитают чай, березовый сок, компоты и прочие совершенно бессмысленные морсы... Если позволите, сударыня, я крайне рад приветствовать пополнение в рядах российских кофеманов.

Лиза с трудом оторвалась от созерцания занятого меню, повернула голову – и увидела своего дедушку.

Глава 3

Нет, конечно, это не мог быть он. Ее дед, бедный учитель истории, никогда не выглядел столь шикарно. На жалкую школьную зарплату не купишь превосходно скроенное пальто, наводящее на мысли о заседаниях советов директоров, кубинских сигарах и расплывчатом понятии «сыграть седьмую лунку в длинной игре за пять ударов». Не говоря уже о блестящих коричневых ботинках, явно не с ближайшего вещевого рынка. Старик был буквально пропитан солидным буржуазным лоском профессора Преображенского – лоском, которого так не хватало скромному учителю Ласточкину. Лизин дед всегда ходил в вязаной кофте, носил одну и ту же бабочку в крапинку, роговые очки и ужасно сутулился. А "дед 2.0" казался молодежавым гусаром в отставке.

Но, с другой стороны – те же усы, шикарные развесистые усы, главная дедушкина гордость... Этот пронизательный, с веселым прищуром, взгляд... В усах спрятана до боли знакомая добродушная ухмылка. Ошибиться было невозможно.

И потом, где еще встретить своего деда, как не в этой альтернативной реальности? Он отошел в мир иной двадцать три месяца и пять дней назад. Отошел. В мир. Иной. Может быть, именно сюда?!

– Де...деда? – проямлила Лиза, бесцельно шаря руками по скатерти и последовательно роняя солонку, перечни-

цу, массивную салфетницу в форме дубового листа, карликовое лимонное деревце в керамическом горшке и деревянную табличку с надписью: «Десерт в «Омеле» – лучше поцелуя».

– Филипп Петрович Шевченко, рад встрече, сударыня, – царственно склонил голову собеседник, не обращая внимания на жалкие Лизины попискивания и беспорядок, который она развела на столе. – Светлого вечера. Простите мою бестактность, но я стал невольным свидетелем вашей беседы с друидом на кассе...

– С кем?

– С тем босоногим юношей, – старик кивнул на бородача за стойкой, – и я полагаю, что могу вам помочь, сударыня.

Лиза, хотя так и не сумела до конца отделаться от ощущения, что разговаривает со своим горячо любимым дедушкой, уже почти пришла в себя. Двойной эспрессо засучил рукава и взялся за дело как следует: голова стала ясной, как небо над пустыней Атакама в Чили, где, как известны, располагаются крупнейшие обсерватории мира. Так что Лиза наконец осознала, что перед ней стоит обладатель того самого раскатистого голоса, подсказавшего ей выход из неловкой ситуации у кассы.

– Да вы садитесь, Филипп... эээ... Бедросович?

– Петрович, – поправил дедуля, опускаясь на диван напротив. – Благодарю. Прежде всего разрешите объяснить, почему я сам не предложил оплатить вам кофе...

– С какой стати? – удивилась Лиза. – Мы с вами не знакомы... Ведь так? – уточнила она на всякий случай.

– Именно потому, что не знакомы, – кивнул Филипп Петрович, аккуратно водружая обратно на подставку деревянную табличку, на оборотной стороне которой было написано: «Только по пятницам – «Ужин друида» со скидкой 10%», лимонное деревце, отделавшееся легким испугом, неубиваемую салфетницу, а также перечницу и солонку. – Простите мне мою бестактность, но мне кажется, что вы сейчас в таком состоянии, что я мог вас просто-напросто напугать до потери сознания своим бесцеремонным предложением. Как вам эспresso?

– Обалденно, в жизни такого не пробовала, клянусь ибупрофеном и патентованными аналогами его, – призналась Лиза. – Бодрит, как пятилетка за три года.

Собеседник ухмыльнулся в седые усы.

– Мой капучино тоже заслуживает всяческих похвал... Ммм, если позволите заметить, сударыня, ваша манера речи весьма необычна.

– Вы о ругательствах лекарствами? Ага-ага, – понимающе покивала Лиза. – Это со студенческих времен привязалось. Нужно было как-то зазубрить дурацкие непатентованные названия препаратов. Я ветеринар.

– Перун-громовержец! Быть того не может! – поразился старик. – Неужто и правда ветеринар? Невероятное совпадение! Заглянуть в ближайшую «Омелу» за кофе – и наткнуться-

ся на ветеринара. И это на следующий же день после того, как Карл нас оставил... Немыслимо! – Он эмоционально взмахнул рукой, и на этот раз многострадальный цитрус не уберется – с ветки слетел спелый лимончик размером с небольшую сливу. Желтый плод покатался по столу наподобие волшебного яблочка, затем затих возле Лизиного эспрессо.

– Но, откровенно говоря, я имел в виду не столько ваши экспрессивные выражения и даже не ваш удивительно резкий, будто рубленый акцент, сударыня, – продолжил Филипп Петрович. – Я отметил нетривиальность вашей речи в целом. Ваше замечание о пятилетке – при чем здесь пятилетний ребенок? Ваши удивительные деньги, которыми вы пытались расплатиться... Ваша неосведомленность касательно обязательного чипирования домашних животных – неосведомленность тем более примечательная, что тут мы говорим о краеугольном камне вашей профессии... А ваша одежда, промокшая до последней ниточки, хотя на небе ни облачка? Сударыня, вы словно прибыли из другой Вселенной, причем гораздо более мокрой, чем наша. Я крайне заинтригован. Откуда вы, милая барышня? Как ваше имя? Почему вы так промокли?

Лиза нахмурилась. Старик был, конечно, классным; но подозрительность у тех, кто вырос в лихой России девяностых, неровно пульсирует в венах, не давая расслабиться в беседе с незнакомцем.

Лиза со стуком отставила в сторону пустой картонный ста-

канчик.

– Слушайте, Филипп Петрович, я вам всё расскажу, честное ветеринарное слово. Но сперва я должна узнать, как вы можете мне помочь найти котика. Вы же с этого начали, так?

– Совершенно верно, сударыня. Надеюсь, вы простите мое навязчивое любопытство. – Дедулька опустил седую повинную голову, а когда поднял ее, лицо его преобразилось. В светлых глазах полыхнул огонь, подбородок гордо взлетел ввысь. Вот уж точно – Перун-громовержец. – Разрешите представиться по официальной форме. Начальник Седьмого отделения Личной Канцелярии Ее Величества, действительный статский советник, консультант Ее Величества по вопросам прав животных, а также звезда телерекламы с резиновой курицей, – Перун-громовержец неожиданно подмигнул Лизе из-под кустистых бровей, – и палочка-выручалочка для всех, кто потерял своих питомцев при загадочных обстоятельствах. Тот босоногий юноша, любитель глупой рекламы, меня сразу узнал, разумеется. Он громогласно зывал вам вслед, милая барышня, но вы необыкновенно быстро убежали со своим эспрессо. Я решил сам к вам подойти.

Лиза изумленно хлопала мокрыми ресницами.

– Анальгетик меня раздери, – высказалась она наконец, совладав со своими чувствами. – Вот это совпадение. И тащиться на Литейный не пришлось. – Тут ее вновь охватили сомнения. – А как докажете, что вы и есть та самая главная Ищейка, которая мне нужна? Я же эту пресловутую рекламу

с курицей не видела. Откуда мне знать, может, вы только и ждете, чтобы я вам отдала свои «еврики», а потом скроетесь в неизвестном направлении?

Собеседник усмехнулся в усы.

– Что ж, справедливо. Недоверчивость и строгое следование фактам – отличные качества для врача. И для полицейского, кстати, тоже... Не буду тратить время и убеждать вас, сударыня, что ваши игрушечные «еврики» мне нужны не более, чем приме-балерине Мариинского театра – армейские сапоги со шнуровкой до колена... Просто покажу вам свои документы.

Далее произошло нечто исключительное. Старик прикоснулся к массивному кольцу на левой руке, тусклый изумруд засветился и прямо из него выпорхнула объемная голограмма: двуглавый орел размером с синичку. Несмотря на свои крохотные размеры и полупрозрачность, орел был совсем как живой: он подрагивал крыльями, время от времени важно моргал, наклонял то одну, то другую коронованную голову набок, как бы прислушиваясь к Лизину испуганному оханью. Прочие посетители не обратили на техническое чудо никакого внимания: куриные ножки, запеченные в арахисовой крошке, вызывали у них гораздо больше эмоций, чем взлетевший над столом живой российский герб.

В своих когтях фантастический хищник удерживал вовсе не скипетр и не державу, а сияющую электронным светом табличку, гласящую:

«Имя: Шевченко Филипп Петрович.

*Место службы: Седьмое отделение Личной Канцелярии
Ее Величества Императрицы Всея Руси Екатерины Никола-
евны.*

Должность: Начальник отделения.

Звание: Статский советник.

Обращение: Ваше Высочорodie».

Орёл тихонько клёкнул на прощание, свернулся в тонкую трубочку и спрятался обратно в кольцо. Лиза выдохнула:

– Полный этилтиобензимидазол. Слушайте, Ваше Высокорodie, может, я попала на съемки интерактивного фильма по братьям Стругацких, а? – с надеждой спросила она. – Что вообще тут у вас творится?!

– При всем уважении к творчеству князей Стругацкий, в их романах слишком много чудес, – старик снова весело подмигнул Лизе, – а у нас, в Российской империи 21-го века, всё держится исключительно на науке.

– У нас, в Российской империи? – переспросила Лиза.

Собеседник кивнул. Лиза уронила мокрую голову на руки и пробубнила куда-то в шарф:

– Что ж. Это многое объясняет.

Глава 4

Филипп Петрович наблюдал за ее реакцией с доброжелательным любопытством. С таким прищуром дедуля обычно смотрел поверх очков на учеников, мямливших на экзамене всякую ерунду в ответ на элементарный до смехотворности вопрос: «Какая татуировка появилась на правой руке будущего императора Николая Второго после его поездки в Японию?». Да, уроки дед проводил нестандартные, за что не раз бывал наказан директрисой.

Лиза тем временем боролась с очередным приступом головокружения.

Верить в то, что она оказалась в альтернативной России, Лиза просто отказывалась. Она была трезвым, циничным врачом, а не какой-нибудь там рохлей-поэтессой, уверенной, что можно плюхнуться на единорога и ускакать на нем в другой мир по ближайшей радуге. Все Лизино существо протестовало против подобного дикого объяснения.

И потом, товарищи! Она не за единорогом бежала, и даже не за собакой, занимающей вполне достойное место в разнообразных легендах и мифах. Она гналась за глупым толстым Пусей. Ну какой из него проводник между мирами? Разве может котик мягкий животик привести своего хозяина куда-либо, кроме как на кухню, к пустой миске, в которую не мешало бы положить пятнадцать-двадцать свежих соси-

сочек? Какие уж тут параллельные вселенные, когда надо насыщать свой пушистый организм едой каждые два часа.

Однако то же медицинское образование, которое мешало Лизе поверить в достоверность альтернативной реальности, не давало ей остановиться и на варианте с галлюцинацией. Таких насыщенных, наполненных ощущениями видений просто не бывает. Все пять ее органов чувств работали на полную катушку. Она могла разглядеть и потрогать каждую ямку на желтой упругой коже лимончика, лежащего перед ней на столе. Она чувствовала исходящий от него нежный аромат. Она слышала, как ее собеседник тихонько мурлычет себе под нос незнакомую мелодию, терпеливо ожидая, пока Лиза придет в себя.

Она ущипнула себя за руку. Вокруг ничего не изменилось. Тогда Лиза решилась на крайнюю меру. Если вкус кофе еще мог ей примерещиться, то уж кислятину ее бедный мозг точно выдумывать не станет.

– Ну, за ретинол и флавоноиды, – пробормотала Лиза и надкусила лимон. Рот мгновенно защипало. – Ой, дрянь какая!

– Милая барышня, не сочтите за бестактность, но вас и накормить здесь могут за счет Императрицы, – насмешливо сказал Филипп Петрович, вытирая капучиновую пенку с развесистых усов. – Не стоит давиться предметами интерьера.

– Нет, нет, это я проверяла кое-что, – морщась и отплевываясь в салфетку, ответила Лиза. – Похоже, я все еще жива

и в сознании. Неужели я и правда в другой реальности?

– А это смотря что считать основной реальностью, – невозмутимо отозвался Филипп Петрович.

– Для меня основная реальность – эта та, где меня берут замуж, – честно сказала Лиза. – Что-то я тут своего любимого жениха Игоря не наблюдаю. Кто ему, по-вашему, пельмени должен теперь на ужин готовить? Я уже не говорю про пироги с мясом? – Лиза взволновалась. – Трёклятые трициклики, мне дико срочно нужно попасть домой! Вот найду Пусятину – и поминайте как звали. Пойдём с ним на мост и будем там стоять, пока Игорь не придумает, как нас забрать обратно. Он у меня умный, – похвасталась она Филиппу Петровичу, – придумывает всякие инновации для почты. Пока, правда, ещё не до конца придумал, работает почтальоном, но это временно, пока не разбогатеет благодаря своим изобретениям.

– Почтальоном? – переспросил Филипп Петрович. – У нас эта профессия такая же устаревшая, как, скажем, извозчик. Видели хаб Почтовой службы? С конвертом наверху? Квадрокоптеры давным-давно заменили почтальонов. А что касается пирогов, голубушка, то их у нас пекут Скатерти-самобранки, производства Волжского альтернативного затейливого завода. Добро пожаловать в Российскую империю-2019, сударыня.

– Вы сказали – Волжского... альтернативного... завода... Сокращенно – ВАЗЗа?

– Именно, – подтвердил дедуля. – Фантастически успешное предприятие. Можно даже сказать – культовое. Одни только их Разумные Зеркала чего стоят, мировой бренд, да, милая барышня... На налогах ВАЗЗа держится половина бюджета страны. Вторая половина – на отчислениях «Владычицы Морской».

– Кого?

Филипп Петрович кивнул на свое кольцо с квадратным изумрудом.

– «Владычица Морская», сударыня, выпускает Разумные Перстни. И это, пожалуй, главное, что вам следует знать о нашем мире. А теперь, быть может, вы все же раскроете вашему покорному слуге свое имя? Не хочу показаться назойливым, моя милая, но все же я как представитель Личной Канцелярии Ее Величества обязан разобраться в сложившейся ситуации, которая представляется мне все более и более необычной.

– Так я и знала, ферритин меня разбери, – вздохнула Лиза, с тоской оглядывая журчащий фонтанчик, кудрявые листья ампельных цветов и прочие уютности «Омелы». – За решетку посадите до выяснения личности? Бить по почкам будете?

– Упаси вас Стрибог! – ужаснулся Филипп Петрович. – Откуда такие страшные мысли у милой молодой девушки? Мы же не в Швейцарии, слава Николаю Второму... Что вы, сударыня. Я как полицейский должен обеспечить вам комфортное нахождение на территории Российской империи. И

не только вам, но и вашему коту. Так давайте определим поскорее, что я могу сделать для вас обоих.

– Ладно, – сдалась наконец Лиза. Терять ей было особо нечего. Не считая почек, конечно... Но, кажется, этот веселый старик искренне желал помочь, а не тащить ее в пыточную камеру. – Меня зовут Елизавета Андреевна Ласточкина, мне тридцать лет, я родилась восьмого марта тысяча девятьсот восемьдесят девятого года в Ленинграде...

– Где-где, простите? – поднял кустистые брови Филипп Петрович.

– В Ленинграде, он же Санкт-Петербург, город трех революций...

– Каких революций?

– Так как же – тысяча девятьсот пятого года, потом была еще Февральская в семнадцатом и основная, Октябрьская, тогда же...

Теперь уже оба собеседника смотрели друг на друга с недоумением.

– Но в России никогда не было революций, сударыня, – вымолвил наконец Филипп Петрович. – А упомянутый вами господин Ленин, выходец из сибирской глубинки, действительно произвел государственный переворот в тысяча девятьсот пятом, только это было в Швейцарии. И до сих пор бывший Невшатель называется Ленинвиллем в его честь. И до сих пор несчастная Швейцария – это черное пятно на карте Европы, обнесенное железной стеной по границам, цита-

дель коммунизма...

– Погодите, коммунизм был у нас! Аж семьдесят лет подряд. Строили его, строили... И наконец он развалился в девяносто первом, когда мне было два года. Но печать Совдепии неизгладима. Столько лет прошло, но почтовые отделения по-прежнему закрываются на обед, а в Новый год мы смотрим советские фильмы. А вы говорите – в Швейцарии коммунизм. Ерундистика какая-то. Это же просто курам на смех. – Лиза сейчас соображала до крайности туго. Вот был бы дед на её месте, уж он бы нашёл, что спросить у местных жителей. – Но тогда... Но если в России никогда не было революций, значит, не было и расстрела семьи Романовых в семнадцатом году? Николай Кровавый не отрекался от престола?

Вот теперь Филипп Петрович был по-настоящему шокирован. Он прижал руку с Перстнем к груди.

– Елизавета Андреевна... Голубушка... – растерянно протянул он. – Что же вы такое говорите, милая моя! Мы недавно отпраздновали четырехсотлетие дома Романовых, и хорошо отпраздновали, пышно, радостно. Страной правит Ее Величество Екатерина Третья, прекрасная молодая императрица, ваших приблизительно лет... Недавно вот вышла замуж, в прямом эфире телеканала «Всемогущий»... А вы, барышня, про какие-то расстрелы жуткие... Эпоха Кровавых, Грозных и иже с ними в России давно закончилась! Теперь у нас Романовы Миротворцы, Прогрессивные да Великолепные...

Вот с Екатериной пока неясно, но она молодая, всё ещё впереди... Уфф, что-то мне даже сердце прихватило, нужно в Котел Ершова заглянуть...

– Значит, не было расстрела? – переспросила Лиза. – Значит, тут есть настоящая живая императрица? – После чашки отличного эспрессо запасы её скепсиса были неистощимы. – И что, она в короне ходит?

– Иногда, на официальных мероприятиях, – слабым голосом сказал Филипп Петрович, все еще держась за грудь. – А так Ее Величество предпочитает джинсы.

– Значит, служите ей, как собачки? – свысока уточнила она. – Ну-ну... Ладусики... Дурацкий у вас мир какой-то, правда. Двадцать первый век на дворе – а подчиняетесь какой-то царице.

Она перевела дух.

– Слушайте, Филипп Петрович, если это как-то поможет в поиске Пуси, я расскажу вам всё, клянусь ибупрофеном. История моя очень простая и в то же время совершенно безумная. Не знаю, считается ли это другой Вселенной, с физикой я на "вы", но я действительно из какой-то альтернативной России. Судя по всему, я телепортировалась сюда из параллельной реальности. Я понимаю, звучит это всё как полная дурасть...

– История ваша и в самом деле фантастическая, сударыня, – согласился старик. К нему уже вернулся румянец и он вновь стал походить на преуспевающего банкира. – Однако

я совсем недавно смотрел по «Всемогущему» потрясающую программу об исследованиях наших ученых, которые потихоньку начинают экспериментировать с пятым измерением, а там и путешествия между параллельными мирами не за горами... Теория струн опять же... А шоу "Воздушный замок", где почти разгадали секрет телепортации короля Артура на таинственный остров? Нет, всё же я склонен вам верить. Если позволите, я проверю вашу сетчатку глаза прямо сейчас, сверимся с базами Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.

Лиза покорно убрала мокрые медные пряди с лица, спросив только:

– Это больно?

– Ни в коем случае, сударыня. В Российской империи, знаете ли, как-то не принято бить граждан по почкам и выживать им роговицу лазером. Мы же не варвары.

Филипп Петрович прикоснулся к Перстню. Изумруд зажегся, нежно-зеленый мерцающий луч ударил Лизе в глаза и тут же спрятался обратно. Она моргнула. Больно не было. Перед глазами немного поплясали звездочки, но это могло быть и от усталости.

Кольцо чирикнуло, его хозяин кивнул:

– Ваших данных действительно нигде нет, сударыня. Ни на наших серверах, ни на зарубежных. На швейцарскую шпионку вы тоже не похожи, тут я, пожалуй, возьму ответственность на себя... А значит, за неимением другой вер-

сии остановимся на вашей. Значит, телепортация. Грандиозно, Елизавета Андреевна, просто грандиозно. Вы обязательно должны будете встретиться с президентом Императорской академии наук, господином Блюментростом... Он, несомненно, захочет узнать все подробности.

– Да не было никаких подробностей, Филипп Петрович. – Лиза пожалала плечами. – Я бежала за глупым Пуськой по Львиному мостику, вдруг начался ливень, я прошла сквозь эту стену дождя – и вуаля. Получите-распишитесь. Какая-то глупая Российская империя. Причем совершенно сухая. В отличие от меня.

– Дома у вас осталась семья, наверное? – поинтересовался Филипп Петрович. – Вы, кажется, упоминали некоего почтальона Игоря, любителя пельменей и поклонника пирожков с мясом... – Он добродушно усмехнулся в усы.

– Да! И незачем так пренебрежительно о нём говорить! – возмутилась Лиза. – Мы с ним, между прочим, женимся. Вот у меня и колечко есть обручальное.

Лиза хвастливо покрутила перед носом Филиппа Петровича своей золотой гордостью. И вовсе необязательно ему знать, что она самолично взяла колечко в кредит сразу после того, как Игорь сделал ей предложение. Он всё ей вернёт, как только закончит разработку своего инновационного проекта. Может, ему ещё и грант от правительства дадут.

– Маменька, папенька? Дети, наконец?

– Детей у меня нет, пока. Но мы с Игорем обязатель-

но заведём, как только поженимся. Он хочет троих мальчиков. Говорит, девочки никому не нужны. Родителей своих не помню. Воспитал меня дедушка, учитель истории. Вы на него похожи, кстати, очень похожи, как две капли хлороформа... – Лиза срочно сделала вид, что допивает последние капли из пустой чашки. – В общем, дедушки уже нет. А теперь, похоже, и Пуси тоже.

– Не беспокойтесь, Елизавета Андреевна, найдем мы вашего Пусю, – мягко сказал Филипп Петрович. – Как вы думаете, куда он мог побежать?

– Ну, сначала я думала, что он первым делом рванул сюда, в «Омелу», здесь же едой пахнет. Но теперь мне кажется, что он мог додуматься и в Эрмитаж метнуться.

– В Зимний дворец? – удивился Филипп Петрович. – В императорскую резиденцию?

– Это она у вас императорская резиденция, а у нас – просто музей, где куча старых картин, – объяснила Лиза. – Мыши их любят, как мы с вами – кофе, так что сами понимаете, без котов там не обойтись. Пуська там и родился, в подвале Зимнего. А назвали его в честь Пуссена, вроде есть такой художник. Это мне рассказали его бывшие хозяева. Пуси хозяева, не художника Пуссена, конечно. Типичные питерские интеллигенты, в худшем смысле этого слова. Притащили мне Пуську в клинику, чтобы я его усыпила, а то он им какой-то антикварный диван разодрал... Ну я им потом сказала, что усыпила животное, а сама его домой забрала. С дедом они

сразу подружились, с Игорем вот не очень.

– Сударыня, минуточку... Боюсь, я не очень понял: хозяйева могут усыпить здорового питомца, если он им просто надоел? – Филипп Петрович в растерянности потянул себя за ус. – Официально, в ветеринарной клинике?

– Ну не совсем официально, за взятку, конечно, но да, могут усыпить. – Лиза пожалала плечами. – Ветеринару, чтобы сохранить работу, иногда приходится вредить животным. Удалять когти, чтобы не царапались, подрезать голосовые связки, чтобы не лаяли, усыплять без медицинских показаний. Первые годы чувствовала себя зомби-Айболитом. Потом ничего, привыкла. Автокредит, знаете ли, сам себя не выплатит. Так же как и все остальные кредиты.

Собеседник покачал седой головой.

– Мда. Милая барышня, я как официальное лицо вынужден вас предупредить: в Российской империи у животных почти столько же прав, сколько у людей. И уж конечно, никто не имеет права лишать их жизни или голоса. Наше Седьмое отделение тщательнейшим образом расследует подобные преступления. Хотя, откровенно говоря, пока ничего подобного нам не попадалось. В нашей стране, голубушка, настоящий культ животных. Хозяева выделяют своим питомцам отдельные игровые комнаты, нанимают им пресс-секретарей, заказывают особые мясные торты на именины, чуть ли не молятся на них.

– ...И мы прерываем показ сериала «Пляжные амазон-

ки» из-за экстренного выпуска новостей. Столичные жители массово стекаются к Никольской площади. Прилегающие улицы переполнены, городские работают в усиленном режиме для обеспечения безопасности. Люди стремятся попасть в Храмовой Заповедник, чтобы лично увидеть так называемое Явление Усуса народу...

Гул в кафе затих. Посетители повернулись к большому экрану в центре зала, на котором обаятельное лицо ведущего сменилось кадрами бурлящей толпы.

– Что такое, во имя Семаргла, небесного вестника? – пробормотал шеф Седьмого отделения, останавливаясь на полуслове.

– Подробности у специального корреспондента телеканала "Всемогущий" Василия Крылова, он работает на месте событий. Василий, что стало причиной стихийного собрания петербуржцев?

– Да, Ричард, последователи Католической церкви называют это чудом, а маркетологи – отличным рекламным ходом, возносящим Католическую церковь на заоблачный уровень популярности. – Корреспондент казался весьма довольным происходящим. – Как нам удалось узнать у очевидцев, несколько десятков человек стали свидетелями загадочного происшествия на Львином мостике в паре кварталов отсюда. Предлагаю послушать интервью с одним из верующих.

Показали экзальтированную дамочку со светодиодной свечкой в руке:

– Вообразите, сударь, своими глазами я видела чудо, вот этими самыми глазами! Я просто переходила канал по Львиному мостику, часа два назад. Шла себе и шла по своим делам, хотела купить новую шляпку в «Ламе», как у Императрицы, видела недавно по телевизору...

– Что конкретно вы видели, сударыня?

– Вы про шляпку императрицы? Такая, знаете, зелененькая с белыми цветочками...

– Я про происшествие на мосту.

– Ах да, настоящее чудо, сударь, истинное! Вообразите – совершенно из ниоткуда ровно на середине моста вдруг появляется черный котик, такой миленький и мокренький, насквозь мокренький, а ведь погода великолепная, ни снежинки, ни дождинки. Вот только что его не было – и раз! Является прямо из воздуха. И кидается мне под ноги с оглушительным мяуканьем. У меня на замшевых сапожках даже шерсть осталась, я ее сегодня же в медальон спрячу. В «Ламе» есть такие милые медальончики на длинной цепочке...

– Сударыня, сударыня. Возможно, кот просто-напросто прибежал на мост с другого берега?

– Да говорю же вам, сударь, из ниоткуда он взялся, из воздуха! Небеса его нам прислали! Я сразу поняла, что это Он – Усус, и все вокруг тоже поняли...

– Куда же кот направился после того, как едва не сбил вас с ног?

– Конечно, сюда, в Заповедник! Ну а куда еще Усусу идти,

как не в Храм Святого Котца, который и есть Его Домик на земле! Мы все, все, кто видел Его Явление, бросились за ним по пятам, и вот он привел нас сюда, на Никольскую площадь. Так жаль, что в такой знаменательной день я в какой-то ужасной старой шляпке!

– Филипп Петрович... – потрясенно прошептала Лиза. – Вы слышите? Да это же про Пуську моего!

Глава 5

В кадре вновь появился корреспондент.

– Ричард, насколько нам удалось выяснить, пресловутый кот сейчас находится в Храме Святого Котца – вот он за моей спиной, – и с минуты на минуту верующие ожидают выступления главы Католической церкви, Папы Мьяурисио дель Муру Второго...

Филипп Петрович неожиданно проворно вскочил с дивана.

– За мной, сударыня, – бросил он через плечо Лизе и с ловкостью, удивительной для столь курпулентного мужчины преклонных лет, принялся лавировать в потоке посетителей, устремившихся к дверям. Все горели желанием поглазеть, что там творится на Никольской площади, которая и правда располагалась совсем рядом с Львиным мостиком.

Похоже, зевак хватает во всех мирах, успела подумать Лиза, торопливо вдевая ноги во влажные еще ботинки и кидаюсь за Филиппом Петровичем в людской водоворот. Конечно, она никогда не позволила бы незнакомцу собой командовать, но ей и самой необходимо было проверить – Пуся там в центре внимания или какой-либо другой мокрый чёрный котик.

На заднем плане продолжался бубнеж телеведущего:

– Нам удалось разыскать съемки камер видеонаблюдения,

направленных на Львиный мостик, и, по необъяснимому совпадению, все устройства дали сбой в момент предполагаемого появления кота. На записях сплошные помехи. Остаётся только догадываться, чудо ли это или хорошо спланированная церковная пиар-акция... Мы вернемся к событиям на Никольской площади буквально через несколько мгновений – сразу после рекламы.

Из телевизора полилась задорная музыка, а затем к ней присоединился бодрый голос, поразительно напоминающий баритон Филиппа Петровича:

– Пропала курица? Это к нам. Если только она не резиновая...

Набережная канала Грибоедова ещё раз поразила Лизу экстраординарным освещением, квадрокоптерами и небесными поездами. Вокруг затевалась суматоха. На мостовой скапливался возбужденный народ, мешая проезду автомобилей.

Кряхтя и отдуваясь, но при этом мечтая о посткофейной сигаретке, Лиза едва поспевала за стариком, уверенно прокладываящим себе путь в этой плотной толпе, будто ледокол среди торосов и айсбергов.

– Почему же Пусино появление люди заметили... уфф... а на меня всем плевать? – пропыхтела Лиза в кашемировую спину шефа Седьмого отделения. – Я же тоже возникла там из воздуха... уфф... тоже вся мокрая...

– Котики всегда, без остатка, забирают себе всё внимание

окружающих, – предположил Филипп Петрович, не оборачиваясь. – Это как выйти на сцену после всемирно известной певицы Беты... А теперь, голубушка, я должен вызвать подкрепление.

Не снижая скорости (да что ж такое-то, второй Усэйн Болт мне сегодня попался, сокрушенно подумала Лиза), дедуля постучал в особом ритме по Перстню, который немедленно засветился и тревожно замигал.

– Внимание, Седьмое отделение, – сказал Филипп Петрович в Перстень, – на Никольской площади – наш подопечный. Заложник – черный кот Пуссен, в базах не значится. Хозяйка – Елизавета Андреевна Ласточкина, в базах также отсутствует. Граф, жду вас в Заповеднике, добирайтесь на вакуумке. Будьте любезны прихватить с собой парочку родовых... – Видимо, подчиненные что-то отвечали шефу, поскольку он делал паузы между фразами, однако Лиза ничего не слышала. – Аврора, голубушка, для вас спецзадание – найдите всю возможную информацию по главе Католической церкви Мяурисио дель Мура... Нет, сударыня, по Мяурисио Второму, вы же помните, что случилось с Первым... Сейчас мы с хозяйкой заложника на набережной Екатерининского канала. Предполагаем быть у храма Святого Котца через семь минут. Включаю свою геопозицию. Мои передвижения на ваших картах, коллеги.

– А что случилось с первым Мяурисио? – пропыхтела Лиза.

– Его переманили конкуренты из Церкви Репки, теперь он там руководит. Взял себе священное имя "Дед, Вырастивший Репку Из Семечка".

– Ясно, – сказала Лиза, хотя ничегошеньки ей было не ясно. – Тогда следующий вопрос – *Екатерининский* канал?

– А какой же еще, милая барышня?

– Так как же – Грибоедова...

– При всем уважении к великому драматургу – канал всегда был *Екатерининским*. Вы не перестаете меня удивлять, Елизавета Андреевна.

Лиза тоже удивлялась всему окружающему: родные места – здесь дедушка возил ее в коляске, а в этом доме был детский сад, – выглядели совсем по-другому, и все же оставались знакомыми. Странное ощущение. Словно бродяга, которого ты каждый день видел грязным, несчастным, больным, пропил курс витаминов, сменил свои обноски на дорогой костюм в мельчайшую клетку и обзавелся модной прической. И теперь уже ты на его фоне выглядишь так себе.

Она чувствовала себя Кисой Воробьяниновым, попавшим в родной Старгород спустя десять лет после революции.

Лиза остро заскучала по своему миру, уютному, как разношенные тапки, без всяких небесных поездов, квадрокоптеров, разумных перстней и храмовых заповедников. Однако туда ещё следовало найти дорогу. Ну ничего, успокаивала себя Лиза, мы с Пуськой поселимся на этом Львином мостике, будем до голодного обморока ждать, когда откро-

ется дурацкая дождевая дверь между мирами.

Чем ближе к Никольской площади – тем больше вокруг попадалось верующих со светодиодными свечками в руках, скандирующими что-то вроде: «Уксус! Уксус!». Нет, наверное, все-таки Усус, о котором говорили по телевизору.

– Слушайте, а что это за история с Усусом? – поинтересовалась Лиза на подходе к площади.

– Сейчас сами всё поймете, Елизавета Андреевна.

Они повернули за угол – и перед ними открылся неожиданный вид. *Такая* Никольская не укладывалась у Лизы в голове. Если раньше здесь царил один-единственный Морской собор – золотые маковки, стены цвета усмирённой водной стихии, величественная колоннада, – то теперь старинный православный храм окружали постройки экзотические и экстравагантные. Тут были сооружения на любой религиозный вкус: мечеть, синагога, буддийская пагода; впивался в небо небольшой готический храм; слева хмурился деревянный славянский идол. А справа – не уменьшенная ли это копия Парфенона? Позади идола виднелся большой стеклянный куб, по стенам которого стекали голубые светящиеся цифры "1" и "0" в разных комбинациях. Вдруг среди них показалась надпись "Господь Бот: совершенный компьютерный разум", – и тут же распалась на тысячи единиц и нулей.

– Батюшки-салицилы, а это что еще такое? – ахнула Лиза, взглянув на невразумительное круглое здание по соседству с мини-Парфеноном. – На брюкву похоже!

– А это та самая Церковь Репки, сударыня. Некоторые наши соотечественники верят, что это священный овощ. Семейство *крестоцветных*, «зри в корень», глава церкви – *репатриарх*, и так далее. Новое религиозное течение.

После длительной пробежки дыхание ее пожилого спутника даже не сбилось. Лиза готова была поклясться, что измерь она сейчас Филиппу Петровичу давление, прибор показал бы 120 на 80.

– Так это и есть ваш дурацкий Храмовый Заповедник, – вздохнула Лиза, оглядывая культовый квартал, в котором мирно уживались самые разные конфессии. – По мне, так ерундистика какая-то. Просто курам на смех.

– Кстати, Церковь Смеха у нас тоже есть, но все подробности позже. Сейчас нас интересует Храм Святого Котца.

Филипп Петрович указал на трехэтажный домик, более всего похожий на картонную коробку. Коричневые стены были испещрены гигантскими отпечатками кошачьих лап. На фоне разноцветных храмов, изукрашенных росписью и сверкающих золотом, стеклом и сталью, домик выглядел чересчур скромно. Можно даже сказать – убого. Однако именно вокруг него сейчас собрались тысячи людей.

И все они с большим интересом уставились в гигантский экран, вмонтированный в торцевую стену домика-коробки, где крутились слова «Внимание! Внимание! Внимание!»

– В этой стране что, народ ни секунды не может прожить без телика? – хмыкнула Лиза.

– Вы совершенно правы, милая барышня, – согласился Филипп Петрович, проталкиваясь ближе к церкви. – Как-то раз нашим императором даже стал телеведущий, правда, всего на пару месяцев.

– Да ладно! – поразилась Лиза. – А ваши хвалёные Романовы как же?

– Долгая история, голубушка. Если угодно, расскажу вам ее позднее, а пока давайте пробираться ко входу в храм.

Между тем, экран порадовал собравшихся новыми кадрами. Сперва появилась надпись: «*Явление Кота народу*», а затем под ней неземным светом засияла недовольная и даже, пожалуй, кислая физиономия пушистого питомца. Конечно, это был Пуся.

Лиза остановилась так резко, как будто с размаху налетела на каменную стену.

– Филипп Петрович! – Лиза в ажитации схватила шефа Седьмого отделения за кашемировый рукав. – Там, на экране! Это моя Пусятина, клянусь всеми макролидами и их тетушкой!

– Вы уверены, милая барышня? – повернулся он к ней. До двери, ведущей в домик-коробку, оставалось метров двадцать и человек двести. – Ошибиться никак нельзя. Не тот случай.

– Чтоб мою фотку на доску позора навеки прилепили, – побожилась Лиза.

– Куда-куда? – ошарашенно переспросил шеф.

– На доску позора. Ну как объяснить-то? Это такое моральное распятие плохого работника перед всем коллективом. Весьма неприятная процедура.

– Мда, – сказал Филипп Петрович. – А почему бездельника нельзя просто уволить? Но отложим культурно-лингвистические лекции на потом. Судя по всему, глубокоуважаемый Пуссен остро нуждается в нашей помощи. Эх, гром и молния мне в усы! Вляпались мы с вами и вашим котиком, Елизавета Андреевна, вляпались, уж простите за просторечие.

– Куда вляпались? – не поняла Лиза.

– В католическую Библию, сударыня, ни больше ни меньше, – тяжело вздохнул Филипп Петрович.

Как бы в подтверждение слов шефа, кошачья физиономия на экране начала переливаться разноцветными огнями, а затем вспыхнула ослепительным светом и разлетелась на тысячи пикселей роскошным фейерверком. Откуда-то с неба – или из установленных на здании динамиков – зазвучали фанфары, и в телевизоре возник человек, представительный до изумления. Судя по картинке, находился он на плоской крыше этого же домика. В свете прожекторов он казался языческим жрецом, сошедшим со страниц Хаггарда... или со сцены отеля «Белладжио» в Лас-Вегасе.

Дядя был облачен в светлый льняной балахон в пол (это в декабре-то!). Вся грудь и половину объемистого живота закрывало тяжелое золотое ожерелье, сплетенное из крошеч-

ных кошачьих мордочек. На голове у толстяка красовалось что-то вроде золотого же поварского колпака со стилизованным отпечатком кошачьей лапки.

В руке колоритный деятель держал посох, напоминавший дразнилку с перьями, только из драгоценностей.

Брови у него были сбриты, что производило пугающее впечатление; зато свои пороссячи глазки толстяк густо подвел черным, как это делали египетские жрецы в фильме «Астерикс и Обеликс», который Игорь пересматривал раз сто.

Толпа заволновалась, приятный мужчина рядом с Лизой стал выкрикивать: «Ня! Ня!».

– Что за... Это что ещё за пупырка папавериновая в балахоне? – потрясенно прошептала Лиза. – А в руке у него что за чудо с перьями?

– Мяурисио Второй, главный котолик в мире, – пояснил Филипп Петрович. – Будьте любезны, сударь, разрешите пройти, благодарю...

– Это ваш Папа Римский?!

– Ну что вы, милая барышня, не путайте котоликов с христианами. – Старик усмехнулся в усы, будто Лиза особенно удачно пошутила. – Эти господа верят не в Иисуса, а в Усуса. В роли которого сегодня выступает ваша пушистая звезда.

– Дурость какая-то, – строго осудила адептов котолицизма Лиза. – Вот курятины безмозглые. А я все понять не могу, чего они так всполошились из-за моего Пуськи. А вот

что, оказывается. Они его за божество приняли. Видели бы они, как она пельмени выпрашивает. Ничего божественного в этом кухонном спектакле нет. Ну разве не дурак ваш Мяурисио?

– Ну что вы, Елизавета Андреевна, – покачал седой головой Филипп Петрович. – За такие оскорбительные высказывания вы и за решетку можете угодить, милая сударыня. Мои коллеги из Второго отделения как раз на таких случаях нетерпимости и специализируются. Тюрьмы у нас, конечно, вполне комфортабельные, там и беспроводная Интернет имеется, но всё же...

– Мур-мур вашему дому, мышата! – энергично загремел толстяк из динамиков. Лиза не очень поняла, как попал туда его голос, но, может, в ожерелье был спрятан микрофон. В принципе, среди этого обилия золотых цацек можно было и целую студию звукозаписи уместить. – Возблагодарите Коспожу нашу, норушки мои! Сегодня свершилось чудо, которого мы ждали три тысячи лет, со времени почитания богини Бастет. Истинные котолики всегда верили, что рано или поздно к нам придет сын Бастет, Усус, готовый умереть за наши грехи не один, а девять раз подряд...

– Умереть? – тревожно сказала Лиза. – Так. Что-то мне это не нравится.

– ...И здесь, в столице благословенной Российской империи, Усус явился своему народу! Ня, мышата!

– Ня! Ня! – забились в истерике солидные граждане. Фи-

липп Петрович, продолжая протискиваться ко входу в здание, только крикнул.

Толстяк поднял вверх блестящую, усыпанную разноцветными камнями дразнилку.

– Десятки мышат прибежали сегодня ко мне с сей доброй вестью. Многие, многие из вас стали свидетелями чуда Косподня! Усус явился нам из пустоты и сразу направил лапы свои в свой Домик на этой земле, в наш Храм Святого Котца! Ня, мышата!

– Ня! Ня!

Толстяк взмахнул своей дразнилкой, дирижируя верующими.

– Мышата! Смотрите и мяулитесь... Вот он – Великий Усус!

Лиза, просочившаяся вслед за шефом уже почти к самому входу в церковь, замерла, задрав голову вверх. На экране, в режиме реального времени, показывали крупным планом ее Пуську. Он мирно спал в какой-то корзине у ног Мяурицио Второго, не обращая внимания на кутерьму вокруг, разве что ушки изредка подрагивали. Корзина была ему маловата, однако Пуссен сумел в нее втиснуться, лишний раз доказав, что коты – это жидкость.

– Вы гляньте на него! Дрыхнет! Я из-за него тут с ума схожу, бегаю по параллельным мирам, а он спит, как после лошадиной дозы димедрола! Негодяй пушистый. – Лиза ужасно рассердилась. – Кажется, с ним все в порядке, Филипп

Петрович.

– Мышата мои! – вновь заорал дядька в балахоне. – Пушистое воплощение Коспожи нашей пожелало вернуться на небеса, самолично забравшись в корзинку грузового церковного квадрокоптера. И через несколько мгновений я, Мьяурисио дель Муру Второй, провожу Усуса в лучший мир! Ня, мышата!

– Ня! Ня!

– Какой еще лучший мир? Какие, к клопамидам собачьим, небеса? – запаниковала Лиза. – Филипп Петрович, я не поняла, они что, моего Пуську собираются в космос запустить?

– Похоже на то, сударыня. Нам нужно срочно бежать на крышу. Где же подкрепление... – Шеф беспокойно оглядывал толпу, лоб его собрался в морщины. – Внимание, Седьмое отделение, – сказал он в Перстень. – Граф, Аврора, вы где?

Судя по всему, шефа не очень-то устроил ответ в наушнике, который Лиза наконец разглядела у него в ухе.

– Филипп Петрович, Пуся же выскочит из корзины и разобьется!

– Сколько еще минут, граф? – говорил в Перстень шеф. – Я понимаю, что здесь толпа, но прошу вас, постарайтесь сюда пробиться поскорее...

– Мышата, споем же перед вознесением Усуса нашу мяулитву...

– «Земля в форме клубка – и всё в лапках Коспожи

нашей...» – затагнули собравшиеся крайне сомнительный гимн.

– Филипп Петрович!

– Пока что нам везет, сударыня, молитвы у католиков, насколько мне известно, довольно длинные, самое короткое песнопение – не менее получаса. Ждем коллег. Без прикрытия нам сейчас никак нельзя. Прервать религиозный ритуал на глазах у верующих и многомиллионной аудитории «Всемогущего»? Это чревато самым настоящим бунтом, последствия непредсказуемы – так же как и действия Мяурисио, который запросто нас скинет с крыши. Не стоит также забывать о коллегах из Второго отделения, которым это явно не понравится.

– Вы как хотите, а я лично иду внутрь, и вы меня не удержите, – заявила Лиза, а точнее, эспрессо в ней. Она решительно двинулась к дверям церкви, которые, как ни странно, никем не охранялись.

Спустя мгновение она поняла – почему.

Глухие железные двери были просто-напросто заперты. Наглухо. Она застонала от бессильной ярости. Пуся, ее приставучий, вредный, нахальный, непослушный и такой очаровательный кот, был так близко – и так далеко.

Вдруг пискнул электронный замок, к которому приложили знакомый Перстень. Внутри что-то щелкнуло, громыхнуло – и железная створка приоткрылась. Лиза повернула голову.

– Кодекс кофемана, – усмехнулся в усы Филипп Петрович. – Вы подобрали пароль к моему сердцу, Елизавета Андреевна. Несмотря на все требования здравого смысла и должностные инструкции, я с вами.

Глава 6

Интерьеры домика-коробки не слишком отличались от обыкновенного казенного учреждения на Лизиной родине. Лестницы, упирающиеся в заколоченные двери, против которых всемогущий полицейский Перстень был бессилён. Полутёмные коридоры. Пустые комнатенки. Одним словом – лабиринт.

Лиза с Филиппом Петровичем искали проход на крышу и не могли найти. На улице все ещё распевали «мяулитву», однако время безжалостно утекало, как молоко из бутылки, которую Пуся опрокинул на Игорева чертежи сегодня утром на кухне (сегодня ли? будто миллион лет прошло).

«Возлижите ближнего своего, мышатки!» – доносилось откуда-то сверху. Откуда именно и как туда попасть? Было совершенно непонятно.

– Трёклятые трициклики! – наконец взорвалась Лиза. – Да что же это такое-то? Почему тут ни одной живой души? Где всякие церковные служки, дьяконы, протодьяконы, попадьи, монахи, наконец?

– Ну что вы, голубушка, нынешние церкви не могут себе позволить такой роскоши. По одному служителю на храм, даже у более массовых конфессий, чем эта. Религия в наши просвещённые времена – скорее аксессуар, чем основа жизни. Многие граждане считают себя последователями двух,

а то и трех совершенно разных конфессий одновременно. Язычество, милая барышня, вернулось к нам спустя тысячу сто лет после крещения Руси и называется оно теперь "мультирелигиозность". – Филипп Петрович заглянул в пустую комнату и разочарованно захлопнул дверь. – Можно ведь одновременно увлекаться театром и живописью, футболом и гонками на лопатах...

– Значит, религия у вас – типа хобби, – заметила Лиза. – Ну-ну.

– Вы правы, голубушка, – согласился шеф. – Мало кто сейчас со всей серьезностью относится к этому важнейшему в прошлом аспекту жизни. У нас весьма популярна поговорка: "Человека карают только те боги, в которых он верит".

– Я лично верю журналу "Сплетни и слухи" – и совсем уже не верю, что мы когда-либо найдём нужную нам дверь, – раздражённо сказала Лиза. – Бродим тут без толку, пока Пусятинна на грани жизни и смерти. Где выход на крышу? Это то же самое, что искать докторскую колбасу в столовском оливье!

– Какую-какую колбасу? – вздохнул Филипп Петрович, открывая очередную безликую дверь, ведущую в очередное пыльное помещение. Они бродили по второму этажу. – Еще одно изобретение вашей странной родины, сударыня? И почему нужно эту колбасу искать в изысканном салате, в состав которого, насколько мне известно, входят омары, черная икра и рябчики?

– Рябчики? Ну-ну. Ешь анансы, рябчиков жуй и так далее. Хотя вы, наверное, про Маяковского вы жизни не слышали.

– Отчего же, Маяковский – известнейший лирик, романтик, Лермонтов двадцатого века. Писал необыкновенно трогательные, сентиментальные поэмы про любовь... Превосходно танцевал на балах у императора Алексея Николаевича, был любимцем фрейлин... Однако про еду Владимир Владимирович, насколько мне известно, стихотворений не сочинял, продукты ему были неинтересны... – Он открыл следующую дверь. – Ох!

Рассуждения Филиппа Петровича прервал яростный лай. Из комнаты выскочил громадный пёс, явно не настроенный мирно поболтать о литературе за чашечкой кофе. Примерно таких страшилищ рисуют на табличках «Осторожно! Злая собака!»: шерсть дыбом, пасть оскалена, – словом, навряд ли Пэрис Хилтон взяла бы его с собой на вечеринку в розовой сумочке.

Недолго думая, пёс с разбегу прыгнул на старика, повалил его и прижал лапами к полу. Еще доля секунды – и собака вцепится шефу в горло.

Лиза среагировала молниеносно. Со всей силы дернула пса за задние лапы – тот потерял равновесие, позорно плюхнулся животом на Филиппа Петровича. В то же мгновение она одной рукой крепко обхватила хищника за морду, другой рукой сдернула с шеи шарф, едва не удушив себя при этом, и со скоростью, которая Усэйну Болту и не снилась, примота-

ла собаке челюсти одна к другой. Затем, вцепившись псине в ошейник, с трудом оттащила ее от шефа. Животное глухо рычало и сопротивлялось. Обновка – толстый влажный компресс-намордник – ему не слишком нравилась. Пёс предпочитал оставаться, как говорится, *au naturel*.

– Как вы? – крикнула Лиза, пытаясь удержать собаку. В крови бурлил чистый адреналин.

– Ох... Наверное, еще поживу немного, сударыня, – криво улыбнулся Филипп Петрович, пытаясь подняться.

– Тихо, тихо, мой хороший... – тем временем приговаривала Лиза, поднося к собачьему носу свое запястье – проверенный годами способ успокоить разволновавшееся животное. Артерии на запястье близко к коже, пациенты чувствуют твой пульс, начинают доверять тебе. – А это что у нас с тобой такое? Ага, вот почему ты такой сердитый...

Глаз у Лизы был наметан – пёс постоянно дергал правым ухом, будто ему что-то мешало. И действительно, у основания ушной раковины виднелась подозрительно крупная родинка. Которая при ближайшем рассмотрении оказалась самым настоящим клещом. Сытым, прекрасно устроившимся на уютном местечке, – совсем как тот лощеный чиновник из собеса, куда Лиза неоднократно ходила выпрашивать для дедушки какие-то жалкие льготы.

– Ну сейчас я тебе покажу, дрянь ты эдакая, – прошипела Лиза, адресуясь к клещу. Зажав голову пса коленями, она нащупала в кармане куртки флакончик жидкости для сня-

тия лака (естественно, сперва под руку попалась кошачья игрушка), зубами открутила крышку и накапала едко пахнувший раствор прямо на мерзкое насекомое.

Клещ был очень недоволен неожиданным душем. Он зашевелился, завозился в ранке и решил, что пора и честь знать. Высунул хоботок – и на этом его потрясающая биография повелителя собак закончилась. Лиза безжалостно поставила точку в его блестящей карьере. Затем протерла ранку на собачьем ухе концом все того же мокрого шарфа.

– Подумать только, клещ в середине декабря! – воскликнула она, обращаясь к Филиппу Петровичу – он уже наскоро привел себя в порядок и нашел в себе силы подойти поближе. Пёс даже не зарычал – очевидно, наслаждался чудесным чувством свободы от надоедливого насекомого. – Впрочем, что я удивляюсь – ваша дурацкая подогреваемая мостовая создает им просто тепличные условия. Это еще повезло, что не энцефалитный попался...

– Елизавета Андреевна, вы спасли мне жизнь, – серьезно сказал Филипп Петрович. – Я ваш вечный должник, сударыня. Хрупкая, можно сказать, тургеневская барышня – и такая реакция, такие способности, полный контроль над ситуацией... Я восхищен, если позволите. Восхищен.

– Помогите мне с Пусей, и мы в расчёте, – сказала Лиза. – Кто ж знал, что мы наткнемся на хозяйские апартаменты – глядите, в этой комнате кровать стоит, стол, посуда какая-то. Наверное, этот ваш безумный Мьяурисио и живёт. Пёс просто

защищал свой дом... А знаете, Филипп Петрович, родилась у меня одна идея. – Лиза заговорщески подмигнула шефу.

Удерживая пса за ошейник, она вытащила из кармана мышку-меховушку и сунула собаке под нос.

– Ищи! Давай-ка, Дружок, найди нам нашего Пуську. И своего хозяина заодно. Мы вот кота потеряли, а твой владелец – связь с реальностью. Ну, нюхай! Ищи!

Пес послушно понюхал меховушку, чихнул и заскулил.

– А ты будешь хорошо себя вести, если я тебе сниму намордник? – строго спросила его Лиза.

Пёс завил хвостом.

– Ну ладусики, – сказала Лиза, размотала шарф с собачьей морды и привязала его к ошейнику.

Дружок рванул вниз по лестнице. Лиза едва за ним поспевала. Да когда уже кончатся эти пробежки, ну сколько можно-то, ферритин вас всех побери! – злилась она, хватаясь за правый бок, который начал немилосердно колоть.

На первом этаже пёс принялся скрестись в неприметную дверь, которую Лиза с Филиппом Петрович ранее приняли за вход в кладовку, а потому проигнорировали.

– Вы гляньте – винтовая лестница! Ведет на самый верх! Ага!

Еще одно испытание для натруженных ног – похоже, влажные ботинки натерли приличные мозоли, – и троица (а если считать игрушечную мышку-меховушку, то квартет) оказалась перед выходом на заветную крышу. Сквозь рас-

пахнутую дверь лились яркий электрический свет и могучий бас Мьяурисио, выводящего нечто вроде «Узри Коспожу в себе». Толстяк стоял к ним боком, метрах в двадцати, и не замечал незваных гостей. Так же как и глупый Пуська, беззаботно спящий в корзинке здорового квадрокоптера.

Пёс дернулся было к хозяину, однако Лиза скомандовала: «Тихо! Сидеть!» – и собака послушно опустилась на последнюю ступеньку, еле слышно поскуливая от нетерпения.

– Это он, сударыня? Ваш Пуссен? – уточнил Филипп Петрович на всякий случай. Лиза быстро-быстро закивала. – Попробуйте позвать его – возможно, тогда нам удастся избежать конфликта с главой церкви на глазах у тысяч его разгоряченных последователей.

– Пуся! Пуська! Пусятина! – зашипела Лиза, осторожно выглядывая из-за косяка. – Кто хороший котик? Кто миленький котик? Иди сюда, тебе говорят, пупырка папавериновая!

Миленький котик лениво приоткрыл один глаз, слегка приподнял голову, презрительно оглядел Лизу, решил, что она недостойна ответа, и вновь крепко заснул. Филипп Петрович тихо фыркнул в усы.

– Вот негодяй... Пуська! А кто хочет поиграть со своей любимой мышкой? – Лиза принялась призывно трясти меховушкой. – Смотри, какая вредная мышка, нужно ее обязательно поймать и проучить! А, Пуся?

Кот не реагировал.

Лиза не сдавалась.

– Пуся, кушать! Куш-куш-куш! А кто хочет сосисочку? А кому дать охотничьей колбаски? Скорее кушать! Мамочка тебя накормит, куш-куш-куш!

Пуся подал признаки жизни: сквозь дрему покосился на хозяйку, мгновенно оценил, что никакой колбаски, а тем более сосисочки, у нее и в помине нет, демонстративно выставил из корзинки заднюю правую лапу и в этой позе опытного йога вернулся к захватывающим снам.

– Похоже, дорогая повелительница собак, повелевать собственным котом у вас не очень-то получается, уж простите за бестактность, – весело прищурился Филипп Петрович, совершенно оправившийся после инцидента с псом.

– Идиотство полное, – согласилась Лиза. – Что будем делать?

– Полагаю, граф вместе с подкреплением уже здесь, сейчас выйду с ним на связь, и мы красиво, в полном соответствии с должностными инструкциями... Батюшка Перун-громовержец! А где же... где же мой Перстень? Неужто обронил? – Шеф принялся растерянно хлопать себя по карманам пальто. – Должно быть, потерял, когда меня повалил этот не в меру ретивый Цербер... – Он погрозил пальцем псу, который сидел с высунутым языком и послушно ждал дальнейших указаний от Лизы.

Лиза занерничала. Мьяурисио завершил свои песнопения истощным «Ня!» и теперь тряс своей золотой дразнилкой перед квадрокоптерами, снимающими его с воздуха.

– Как же быть, Филипп Петрович? Нет у нас времени искать ваш Перстень. Так я и знала, что нельзя доверять всем этим дурацким гаджетам. Смотрите, еще чуть-чуть, и Пуську запульнут куда-нибудь на Луну.

– Если бы на Луну! Туда рейсовые автобусы ходят повышенной комфортности... Что ж, сударыня, иного выхода, очевидно, нет. Выступали когда-нибудь в прямом эфире, Елизавета Андреевна? Нет? Тогда поздравляю с почином. За мной!

Шеф прыгнул в светлое пятно.

Лиза глубоко вздохнула и шагнула за ним.

Сверху город казался еще прекраснее, за такие виды любой фотограф продал бы душу хоть дьяволу, хоть Коспоже Бастет: расплавленная сталь Невы, гирлянды ярких улиц, головокружительные небесные поезда. Однако Лиза видела перед собой только умильную физиономию Пуси, устроившегося в корзинке бесформенной меховой кучей. Что за крепкая нервная система у этого кота! Ничто не могло потревожить Пуськин сон, даже жужжание телевизионных квадрокоптеров с золотыми молниями на борту, реющих над крышей, даже вопли Мяурисио. Как и его пушистый заложник, главный котолдик тоже не замечал посторонних. Он в экстазе воздел пухлые руки к небу и повторял: «Ня! Ня!».

– Именем Императрицы и во имя Закона об уважении к животным, – загремел Филипп Петрович, приближаясь к дель Муро Второму, погруженному в религиозный транс, –

вы арестованы за попытку...

– Да благословит нас Коспожа, мышата! – заорал Мьяури-сио и прикоснулся к своему Перстню.

Лиза кинулась к питомцу. Поздно.

Винты церковного квадрака бешено завертелись. Дрон дрогнул и оторвался от крыши.

– Мяв? – недовольно пробурчал Пуся, пробуждаясь от ангельского сна.

– Отмените запуск, сударь!

– Пуська, прыгай! Прыгай, тебе говорят, Пусятинна без-мозгляя!

Квадрик с Пусей, орущим дурным голосом, поднимался все выше.

– Какого пса вы тут делаете, господа?!

Мьяурисио только сейчас обнаружил, что на крыше есть еще кто-то, кроме него. Он смотрел на незваных гостей, разинув рот и недоуменно моргая подведенными веками. Золотой колпак с кошачьей лапкой съехал на сторону, и вообще глава Котолической церкви представлял сейчас из себя довольно комичное зрелище, эдакий доморощенный клоун из провинциального цирка, – вот только Лизе было не до смеха.

Толпа внизу заволновалась. Послышались выкрики. Людям явно не понравилось появление новых персонажей на религиозной сцене.

– Немедленно верните кота на землю, сударь! – Филипп Петрович наставил на Мьяурисио короткую черную дубинку.

Несерьезное оружие, подумала Лиза, кого он хочет этой игрушкой напугать? – Именем Императрицы и во имя Закона об уважении к животным вы арестованы за попытку покушения на жизнь кота, а также причинение морального вреда его хозяину...

Мяурисио отступил на шаг назад, нашел глазами ближайшую летающую камеру и заголосил:

– Это гонения! Такие же терпели первые котолики от жестокого египетского фараона! Они не сдались, и мы не подведем тебя, о Усус! Лети! Пари, пушистый сын богини Бастет! Возвращайся в свой Домик на небесах! Ня, мышата!

Верующие в едином порыве выдохнули: «Ня!»

Глава 7

Ситуация была катастрофической. Пуся взмывал все выше. Его дикий мяв терялся в атмосфере. Филипп Петрович, несмотря на темный народный гнев, ощутимо поднимавшийся снизу, явно приготовился атаковать Мяурисио – из его смехотворной дубинки вдруг вылетели синие электрические разряды. Папа всех котофанатов, в свою очередь, метал искры из подведенных глаз, а его внушительная комплекция не позволяла шефу Седьмого отделения надеяться на быструю победу в схватке.

Вот все тут такие умные и продвинутые, а без меня все равно обойтись не могут, сказала себе Лиза, пробормотала «ну, кофеин мне помоги!» – и завопила во всю силу простуженных (наверняка) и прокуренных (вот это точно) легких:

– Дружок, ко мне!

Пёс с радостным лаем выскочил на крышу и широкими прыжками, волоча за собой Лизин шарф, понесся к группе приятных ему людей (и Филиппу Петровичу).

– А ну-ка расцелуй своего хозяина, Дружок, можно! Поздоровайся с ним, давай! – скомандовала Лиза, указав на Мяурисио, и пёс с восторженным подвыванием кинулся облизывать Папе лицо, встав передними лапами на его внушительный живот.

Толпа внизу ахнула. Особо нервные котолички испуганно

завизжали. Мяурисио пытался спихнуть с себя навязчивое животное, но это было не так-то просто – громадине-псу не терпелось слиться со своим хозяином в неразрывных объятиях.

Лиза, с возрастающей тревогой посматривая вслед ускользающему Пусе, повернулась к ближайшей летающей камере и затараторила:

– Товарищи! Котодрузья! Вы, конечно, простите, что прерываю ваши безумные моления, но сами поглядите: некоторые товарищи вам совсем не товарищи! Я имею в виду вашего духовного котолидера, вот этого, эээ, Папашу – который, как мы выяснили, является самым настоящим собачником. То есть вашим, которребята, идеологическим противником. Да он же продал душу этой собаке! Вон как обнимаются!

– Это не моя! – невнятно запротестовал Мяурисио, и прибавил что-то еще, но что именно – понять было невозможно, потому что пёс именно в этот момент принялся вылизывать Папин нос-картошку.

Филипп Петрович тем временем каким-то чудом ухитрился сдернуть Перстень с толстого пальца обездвиженного дель Муру Второго, и теперь отчаянно стучал по кольцу, взывая к его разуму. «Разрядился, подлец, и в такой момент!», стонал шеф еле слышно. Усы его драматично обвисли.

Народ внизу шумел, как море в неспокойную погоду. Лиза прибавила газку.

– Теперь-то, уважаемые кототоварищи, вы понимаете, что перед вами демон-искуситель, одним словом, плохой парень, который не имел никакого права отпраплять, эмм, Святого Усуса восвояси. Да еще и наверняка не покормил котика перед полетом! В общем, ребятки: Усус должен вернуться. Согласны? Ня, мышатки?

С площади раздались неуверенные, одиночные «Ня». И вдруг – о чудо! Квадрокоптер с Пусей на борту, превратившийся к этому моменту в едва различимую точку, внезапно сменил курс – на сто восемьдесят градусов. Теперь дрон начал стремительно увеличиваться в размерах, приближаясь к крыше церкви. Лиза вновь услышала Пусины недовольные завывания.

Не понимая, что происходит, – вмешательство инопланетян? Коспожа Бастет смилостивилась? – Лиза на всякий случай решила не останавливаться. Она подняла с крыши золотую дразнилку с перьями, которую Мяурисио выронил в разгар борьбы с песиком, и принялась ей размахивать во все стороны, по мере сил копируя движения главного котолика:

– Святой и Непогрешимый (не всегда, конечно, но по большей части) Усус должен быть здесь, среди нас, чтобы одаривать нас своей пушистостью и благословлять своим мотоциклетным мурлыканьем! Ня, товарищи!

– Ня! – Голоса верующих значительно окрепли. Теперь это уже было больше похоже на слаженный монолитный хор, провожавший Пуську на небеса.

Еще чуть-чуть, и квадрокоптер опустится на крышу... Сигнальные огни уже бросают отблески на золотую дразнилку. Главное – продолжать мяулитву, которая почему-то реально работает. Почему – будем выяснять позже. А сейчас – как там охмурял Мьяурисио?

Она взглянула на дель Муру Второго, представлявшего из себя жалкое зрелище: пёс на радостях опрокинул хозяина на спину, для большего удобства в лизании. Макияж главного котолика, смешавшись с собачьими слюнями, тек по его щекам, делая Котопапу похожим на очень, очень грустного и очень, очень полного Пьеро. Дяденька, судя по всему, уже оставил попытки отделаться от восторженного питомца – теперь он просто злобно пыхтел, лежа на крыше большой сверкающей кучей. Золотой колпак откатился куда-то в угол, обнажив взорам верующих гладкую лысину вождя.

Так как же там было? Выпроси сосиску у ближнего своего? Раздери обои ближнему своему? Возлежи на любимом кресле ближнего своего и делай вид, что не слышишь, когда тебя по-хорошему просят пойти поспать в другое место? Нет, не то. А, вспомнила.

– Возлижите ближнего своего, товарищи мышатки! – крикнула Лиза. Пуся был совсем близко, квадрик мигал сигнальными лампами над парапетом крыши. – Усус только что по секрету мне мяукнул, что всех вас распускает по домам, вплоть до особого распоряжения... Меня, Лизу Ласточкину, Великий Усус назначает своей прислужницей и пресс-секре-

тарем, я теперь несу за него ответственность, а не этот собачник Мьяурисио... В общем, дорогие которебята, здесь вам больше делать нечего. Ня, товарищи мышата!

– Ня! – дружно ответили собравшиеся. Народ начал потихоньку рассасываться. Кажется, граждане не возражали против идеи отправиться домой. Устали стоять на холоде. Комфортная жизнь, подумала Лиза, быстро подрывает волю к сопротивлению обстоятельствам. Слабенькая нация, не то что мои соотечественники, с гордостью сказала она себе.

Пуся, сжавшись от страха, поблескивал на нее глазками из корзинки квадрокоптера, застывшего над крышей, и она уже было бросилась к своему питомцу на помощь, – как вдруг церковный дрон резко крутанулся в воздухе, спикировал вниз и аккуратно сел на широкие ступени крыльца церкви.

– Какого альбуцида? – заорала Лиза сверху. – Да что же это творится-то, люди добрые, трициклики трёклятые, пупырки папавериновые?

Ответ последовал незамедлительно.

С площади к крыльцу подбежала группа парней в лохматых шапках и белых шинелях, перехваченных темными ремнями. Впереди всех следовал высокий молодой человек в сером плаще, а в центре группы семенила пухлая девица с фиолетово-розовыми дредами, вооруженная – ноутбуком?

К парапету подошел Филипп Петрович.

– Аврора... – прошептал он в усы. – Аврора, слава Сва-

рогу, покровителю техники.

Девушка кинулась к квадрику, но не для того, чтобы погладить бедненького котика, а исключительно для того, чтобы изучить конструкцию винтов. Открыв лэптоп и не обращая ни малейшего внимания на пушистого страдальца, она усе-лась на ступени крыльца. Судя по возмущенно замигавшим огонькам дрона, Аврора решила дистанционно пообщаться именно с ним, а не с миленьким питомцем в корзинке. Что касается Пуси, то он, похоже, уже утомился горланить – свер-нулся в некое подобие гигантского сердитого ежа и ждал раз-вития событий.

Авроре выдали двух парней для охраны, а остальные ре-бята, под предводительством высокого юноши в плаще, во-рвались в церковь, и спустя несколько минут оказались на крыше – видно, у них проблем с поиском нужной двери не возникло. «Сидеть!», поспешно приказала Лиза неумному псу. Тот как по волшебству прекратил бурную деятельность по вымачиванию хозяина в своих слюнях и с невинным ви-дом уселся рядом с ним.

– Филипп Петрович, ваш Перстень – он валялся на по-лу; нашел его по геопозиции; что случилось? Вы в порядке, шеф? – на одном дыхании выпалил юноша в плаще. На вид лет 28-30, худощавый, благородный профиль, аристократи-ческий воротник-стойка и непослушные вихры на висках... Он напоминал поэта-декабриста Одоевского, чей портрет висел у дедушки в кабинете. – Мы с городскими торопились

как могли. Простите, что так долго: "Среди толпы ликующей и праздной, нарядной суетой объят со всех сторон..."

– Всё в полном порядке, граф, – промурлыкал Филипп Петрович, бережно надевая Разумное кольцо на палец, – как видите, мы с Елизаветой Андреевной совершенно не пострадали, благодаря ее удивительной смекалке – и своевременному вмешательству голубушки Авроры. Это ведь она успела перехватить сигнал церковного квадрокоптера и вернуть заложника с небес на грешную землю?

– Кроме Авроры, это никому не под силу, – кивнул юноша.

– Фух, значит, я еще в своем уме, и никакое это было не чудо, – с облегчением отметила Лиза. – Вот не зря я никогда не верила во всякие церковные штучки – плачущие мощи, исцеляющие видения и что там еще. Конечно же, объяснение простое и прозрачное, как авоська. Сигнал квадрака перехватили!

Про сверхъестественное перемещение между мирами, которое она лично испытала сегодня же, причем буквально три часа назад, Лиза в этот момент напрочь забыла.

– Авоська? – Юноша озадаченно уставился на Лизу.

– Простите, коллеги, во всей этой кутерьме совсем упустил из вида правила этикета... Граф фон Миних, Александр Александрович. Елизавета Андреевна Ласточкина, моя спасительница.

– Рад встрече, – церемонно наклонил голову юноша.

Лиза, которая впервые в жизни видела настоящего, живого графа, да еще и с капельками пота на висках, не растерялась и с достоинством ответила:

– И я рада, товарищ граф. А авоська – это веревочная сумка для продуктов. Если подумать – супер экологичная вещь! Мы, знаете ли, тоже не лыком шиты, разбираемся в тенденциях.

Граф беспомощно смотрел на нее, кажется, не понимая ни слова.

– Мы? – переспросил он.

– Елизавета Андреевна прибыла к нам издалека, – вмешался Филипп Петрович. – Но об этом после. Сейчас есть дела поважнее, дорогие мои.

– Чудная вечеринка на крыше, господа! Не хватает только музыки, напитков, танцев и веселья – но спасибо, что пригласили.

В разговор вклинился жизнерадостный парень в белой шинели, который до той поры был занят отдачей приказов остальным городовым – те с превеликим трудом поднимали совершенно расклеившегося Мяурисио и наряжали его в наручники. Кто-то из стражей порядка милосердно накинул на льняные плечи котокомандира легкое одеяло из фольгированной ткани.

– Унтер-офицер Максим Абрикосов, жандармерия Санкт-Петербурга. Можно просто Макс.

Паренек, не дожидаясь официальной церемонии, при-

щелкнул каблуками ботфортов и слегка наклонил голову в лохматой белой шапке. Его форма отличалась от одежды коллег: на груди, помимо двух рядов золотых пуговиц, мельтешили какие-то нашивки, да и на алых погонах было больше полосок. Коренастый, живые любопытные глаза. Слегка за тридцать.

Полная противоположность графу Александру, окутанному неким романтическим ореолом. Сейчас вот граф картинно стоял в свете прожекторов, хмурясь на дразнилку с перьями.

– Лиза, – сухо представилась она.

Некогда ей было знакомиться со всякими унтер-офицерчиками. Ей нужно было бежать к Пуське, и сразу домой. Но без Филиппа Петровича, опасалась Лиза, котая ей попросту не отдадут. Шеф же спускаться не спешил. Поэтому приходилось торчать здесь, на крыше, открытой всем морским ветрам, и слушать всякую ерундистику, которую нёс этот парень в высокой шапке с золотым двуглавым орлом.

– Елизавета? Царское имя. Сударыня, ответьте мне только на один вопрос: вам было больно?

– Что?

– Падать с Олимпа на нашу грешную землю?

Лиза хмыкнула.

– Скажите спасибо, что не грохнулась с крыши, на радость зрителям.

– Кстати о зрителях: вы в курсе, что мы в прямом эфире

«Всемогущего»? – Макс кивнул на ближайшую летающую камеру. – На нас сейчас смотрят не только те, кто остался на площади, но и миллионы бездельников по всему миру. Хорошо хоть, звук не пишется – дроны мешают, жужжат. Так что можете помахать ручкой своему бойфренду, сударыня, у вас ведь есть бойфренд?

Ответить ей помешал возглас графа Александра:

– Так вот где был микрофон, Филипп Петрович! Прямо в ручке этого жезла.

Мягкий голос графа, многократно усиленный динамиками, отразился от соседних храмов.

Люди, медленно разбредавшие с площади (Мяурисио уже увели, кот сидел в корзине и трюков не показывал, на крыше ничего интересного уже не происходило), одновременно остановились и повернулись к экрану.

– Превосходно! Благодарю вас, граф. – Филипп Петрович поманил к себе квадрик с камерой. – Дамы и господа, в завершение этого насыщенного дня позвольте сделать одно объявление. Нет, не про резиновую курицу, как вы могли бы подумать. – Он усмехнулся в усы. – Позвольте представить вам нового сотрудника Седьмого отделения Личной Канцелярии Её Величества. Приветствуйте – Елизавета Андреевна Ласточкина, наш ветеринар и представитель Великого Усуса на земле!

Лиза разинула рот. Филипп Петрович ей подмигнул из-под седых бровей.

Снизу донеслось изумленное дружное «ох», а затем – аплодисменты. К ним присоединились необыкновенно довольный шеф, удивленный граф и бодрый Макс.

– Этот ветеринар, дамы и господа, и резиновую курицу заставит полететь! – пошутил в микрофон Филипп Петрович. Толпа просто взорвалась от восторга. Видно, остроты по мотивам знаменитой телерекламы здесь пользовались особой популярностью.

Филипп Петрович, сопровождаемый порхающей камерой, подошел к Лизе поближе, откашлялся и молодецким жестом подкрутил усы.

– Елизавета Андреевна, – пророкотал он в микрофон, – готовы ли вы принять присягу, здесь и сейчас, перед лицом народа, Святого Усуса, квадрокоптеров «Всемогущего», а также всех резиновых куриц мира, которые нас сейчас смотрят?

Лиза сомневалась недолго. В конце концов, пообещать она может что угодно. Особенно – государству. «Честное слово» было для нее весьма размытым понятием. Таким же гибким и податливым, как гипотетическая резиновая курица.

– Да не вопрос, – легкомысленно кивнула она, думая про себя: соглашусь на всё, что приблизит меня к дому, ну или по крайней мере, для начала – к горячему душу, теплой пижаме и пуховому одеялу. А эти ребята из Седьмого отделения, похоже, отлично знают, где можно достать всё вышепе-

речисленное.

Филипп Петрович напустил на себя официальный вид и вызвал из Перстня старого приятеля – голографического орла, который завис над Лизиной головой, переливаясь синеватым светом и, кажется, еле слышно гудя. Вокруг него беспокойной стайкой сгрудились квадрики-камеры. Лиза сглотнула.

– Повторяйте за мной, сударыня: «Я, Елизавета Ласточкина, клянусь перед Великим Гербом Великой Империи в том, что хочу и должна Ее Императорскому Величеству Самодержице Всероссийской и гражданам Империи верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови. Клянусь защищать права каждого живого существа Империи. Клянусь ставить интересы короны и народа выше своих собственных. Подтверждаю сию клятву своим открытым взором».

Шеф активировал свое Разумное кольцо, чтобы сканировать Лизин зрачок, он же – зеркало души, которую она только передала в бессрочное пользование правительственной организации. С другой стороны – мало ли чего и кому она обещала? Вот и ритуальную клятву Айболита произносила в душном актовом зале академии, стоя под выцветшим плакатом "Где ветеринарная служба с колхозом в дружбе – там коровы всегда здоровы!". А посмотрите, чем ей приходится заниматься на работе в клинике.

Мда, посерьезнее будет, чем клятва Гиппократов, которую

она полушутя, хором с другими выпускниками, произносила в душном актовом зале мединститута, хихикая с подружками над выцветшим плакатом: «Где ветеринарная служба с колхозом в дружбе – там коровы всегда здоровы!».

Синий орел сделал три круга над Лизиной головой и спрятался обратно в свое электронное гнездо.

– Поздравляю, Елизавета Андреевна, – сказал Филипп Петрович, улыбаясь ей совсем как дедушка. – Теперь вы часть нашей семьи.

Голова у Лизы снова бешено завертелась, на манер лопастей кружащих над ней квадриков, перед глазами возникло разноцветное марево.

Сквозь туман она услышала: «Граф, распорядитесь, будьте любезны, чтобы господина Мьяурисио определили в тюрьму для владельцев животных». Потом смутно почувствовала, что ее берут под локоток, ведут вниз по лестнице. Кажется, она даже сумела поздороваться со своей новой коллегой Авророй, а та, не отрываясь от ноутбука, буркнула в ответ нечто неразборчивое.

Потом Лиза совершенно ясно осознала, что Пуська, родной и глупенький Пуська, прижался к ее мокрой груди. Кто-то – возможно, Филипп Петрович – провел ее по площади к стеклянной остановке, которая на самом деле оказалась большим лифтом. Лифт вознес их с Пусей к сияющим трубам и выпустил на огороженной платформе. Мгновенно подошел остроносый поезд, который шеф почему-то на-

звал трамваем. Не успела Лиза пристроиться на мягкой скамеечке, как Филипп Петрович сказал: «Наша остановка», и прибавил: «Сейчас увидите, сударыня, какую превосходную квартирку я вам только что арендовал онлайн. В Доме с Утками-мандаринками, что на Черной Речке. Отзывы самые лестные. Впрочем, неудивительно – это путиловская сеть».

Лиза пробормотала, что она хочет домой. Филипп Петрович сказал: "Так эта квартира и будет вашим домом, голубушка, пока мы не разберемся, как вернуть вас в родную реальность".

Потом они шли пешком еще минут пять, Лиза смотрела только себе под ноги, потому что доверия к нижним конечностям уже никакого не было. Так что ни где находится пресловутая «превосходная квартирка», ни что это за таинственный Дом с цитрусовыми утками, она так и не поняла.

Разглядела только оранжевую стену парадной, к которой тут же и привалилась бочком. В голове пульсировали всего две мысли: «Пуся со мной» и «Где кровать?». Сейчас еще подсунут какую-нибудь голографическую подушку.

Батюшка миотропный бендазол! Какое счастье! Самая обыкновенная, банальная кровать с хлопковым постельным бельем и деревянным изголовьем. Без космической подсветки, без антигравитационного матраса и без голосового сопровождения. С нормальной подушкой, навряд ли пуховой, но мягкой и упругой, как свежеиспеченный белый хлеб из того подвальчика на канале Грибоедова.

Лиза из последних сил прошептала: «Филипп Петрович, позаботьтесь о Пусе – ему нужен лоток и что-нибудь вроде охотничьей колбаски...», сунула консультанту Ее Величества по вопросам прав животных теплое мягкое тельце, рухнула на подушку лицом вниз и отключилась.

Первый день Лизы в Российской империи выдался весьма насыщенным. Как у резиновой курицы, оказавшейся после тиши зоомагазина – в зубах молодой овчарки; а после – нашедшей спасение в пыльной щели между клетчатым креслом и стеной.

Продолжение приключений Лизы – в романе «Горыныч и чай» (серия «Уютная империя», цикл «Ищейки Российской империи», книга 3).